

*XII Международный съезд славистов
Краков, 27.08. – 2.09.1998 г.
Доклады литовской делегации*

Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры)

ВАЛЕРИЙ ЧЕКМОНАС
Вильнюсский университет

В докладе приводятся новые данные о лингвографии так наз. полновской системы предударного вокализма, в которой, как известно, сочетаются принципы аканья-яканья и оканья, описываются две не отмеченные ранее его разновидности, а также анализируются особенности безударного вокализма целого ряда говоров, для которых этот тип вокализма характерен. На основании полученных данных выдвигается гипотеза о том, что полновский вокализм является поздним новообразованием, сформировавшимся, скорее всего, в результате распространения окающих говоров в ареале гдовской системы предударного вокализма, и принимается, что некоторые особенности полновских говоров, возможно, отражают влияние финно-угорского субстрата*.

Вводные замечания

Типы предударного вокализма на территории Псковщины

Как показывает карта 1 ДАРЯ [1986], в северо-восточной части Псковской области распространено оканье, а на остальной ее территории – различные виды аканья. На юге ее окаймляют диссимилятивно-акающие говоры; к северу от них начинаются сильно-акающие(-якающие) говоры, составляющие западную часть псковского диалекта среднерусских говоров, основным признаком которого данная черта и является. На севере Псковской области известны своеобразные системы предударного вокализма, сочетающие аканье и оканье. Таким образом, лингвогеографическая структура

татов более древних этапов славяно – прибалтийско-финских языковых и этнических контактов, начавшихся с приходом сюда славян, само время появления которых на данных территориях является в настоящее время предметом острейших дискуссий.

В свое время первые обобщения данных о говорах данного региона позволили выдвинуть предположение об их севернорусской основе и о “белорусских наслоениях” в них [Опыт 1915, 36–38]. В дальнейшем эти “наслоения” квалифицируются не столь прямолинейно. В.Г. Орловой принадлежит очень важная идея о том, что часть явлений, общих для Псковщины и собственно белорусских говоров, “а именно, те из них, которые представляют собой новообразования, первоначально возникли в среде населения Смоленской и Полоцкой земель, издавна связанных общностью основ языкового строя и процессов его развития” [1961, 12], однако на данные истории аканья и безударного вокализма вообще она при этом не опиралась. Наиболее развернутая теория формирования говоров Псковщины и псковского диалекта вообще, основанная на материалах ДАРЯ, принадлежит Т.Ю. Строгановой [Образование 1970, 445–452]. Как существенное дополнением к ней можно рассматривать гипотезу Г.А. Хабургаева о существовании вторичной “центральной диалектной” зоны северо-восточнославянских новообразований, контуры которой заданы ареалом диссимилиативного аканья [Хабургаев 1980, 137–150]. В любом случае, особенности безударного вокализма являются центральными в истории формирования говоров Псковщины и от трактовки их генезиса в основном и зависят теории происхождения этих говоров в целом.

Перспективность изучения не только предупредного, но и вообще особенностей как ударного, так и безударного вокализма, говоров Псковщины находится в явном противоречии с количеством работ, им посвященных. Диссертация Л.И. Царевой [1951] о говорах юго-западной части Псковской области, судя по ссылкам на нее, осталась неопубликованной. Вполне возможно, что основной материал этой диссертации, касающийся безударного вокализма содержится в статье [Царева 1962], в которой рассмотрены данные, зафиксированные (автором?) в восьми деревнях вблизи г.п. Пушкинские горы¹; имеются в этой работе и отдельные замечания об отступлениях от сильного яканья и в более северных районах (Палкинском, Пыгаловском и Печорском районах, без примеров [там же, 64].

Основной материал об особенностях вокализма северной части Псковской области содержится в статьях Т.Г. Строгановой [1962] и З.В. Жуковской [1962; 1968]. Данные, собранные по программе

ДАРЯ и, дополнительно, – самой Т.Г. Строгановой, обобщены и интерпретированы с историко-лингвистической точки зрения в [Образование 1970, 402–409, 422–438, 440–452]. На картах ДАРЯ структура интересующего нас региона по необходимости представлена гораздо менее детально и наглядно, чем в [Образование 1970]. После перечисленных работ была опубликована лишь статья С.Б. Степановой [1997] об особенностях говора д. Раскопель Гдовского р-на, выполненная на основе наших магнитофонных записей 1993 г.

Даже опубликованные данные должным образом не систематизированы, поскольку, как кажется, Т.Г. Строганова в своих работах не использовала материалы З.В. Жуковской. Не существует сводной карты в той или иной степени обследованных говоров Гдовщины и прилегающих ареалов, что затрудняет как чтение указанных работ, так и общее понимание ситуации. Только в статье С.Б. Степановой предпринята попытка (далеко непоследовательная) представить особенности реализации гласных во всех безударных слогах одного и того же говора; в других случаях их приходится реконструировать или о них не приводится сведений. Наконец, абсолютное большинство данных об интересующих нас говорах было собрано на слух².

Таким образом, несмотря на существование таких капитальных изданий как [Образование 1970] и ДАРЯ, проблему взаимодействия оканья и аканья на территории северной части Псковской области нельзя считать исчерпанной. В настоящее время мы располагаем значительной базой данных, которые позволяют во многом дополнить и детализировать представления об особенностях говоров этого региона, и данный доклад является первой попыткой их систематизации и сопоставления со сведениями, опубликованными ранее.

Проблемы терминологии

Традиционная русская диалектологическая терминология для описания нейтрализации противопоставлений гласных фонем в безударных слогах складывалась стихийно, и по этой причине она является не только нестройной, но в ряде отношений противоречивой. Так, аканьем(-яканьем) называется нейтрализация противопоставлений /a/–/o/, /a/–/e/ с исходом в /a/, и нейтрализация этих противопоставлений вообще, независимо от исхода нейтрализации (“аканье в широком смысле” как “неразличение в безударных слогах гласных

неверхнего подъема”). В то же время термин “оканье” обозначает нечто противоположное, именно, систему вокализма, в которой гласные неверхнего подъема в безударных слогах *различаются*. По этой причине для нейтрализации /a/–/o/ → /o/ (ср. произношение *тровѣ, кросѣвые, кокаѣ, норѣда* и т.д., как и *водѣ, столѣ* и т.д., например, в говоре д. Ждани Струго-Красненского р-на Псковской области [Жуковская 1968, 7–8]) нельзя использовать термин “оканье”, хотя аналогичная нейтрализация /a/–/o/ → /a/ называется именно аканьем.

В капитальной “Русской диалектологии” предпринята попытка канонизировать использование терминов “аканье” и “оканье” для описания нейтрализации – различения гласных неверхнего подъема только в первом предударном слоге [1965, 37]. По этой причине, говоря об аканье в безударных слогах, авторы используют формулировки типа “говоры, характеризующиеся аканьем в 1-ом предударном слоге, сохраняют неразличение гласных неверхнего подъема и в других предударных слогах” [там же, 67]. Неуклюжее выражение “сохранять неразличение”, очевидно, означает что гласные неверхнего подъема нейтрализуются как в первом предударном слоге, так в других безударных слогах; очевидно также, что исходом этой нейтрализации может быть также /a/, но, следуя авторам “Русской диалектологии”, такое аканье уже нельзя назвать аканьем.

Противоречивость и неполнота рассматриваемой терминологии особенно видна, если, например, приходится квалифицировать, например, такую ситуацию, когда в одной и той же позиции наблюдается собственно аканье (нейтрализация /a/–/o/ → /a/), но не происходит нейтрализации /a/–/e/. Последнее явление нельзя назвать “еканьем”, поскольку этим термином обозначается нейтрализация /o/–/e/ → /e/. В таком случае уже приходится говорить о сосуществовании аканья и сохранении (очевидно – этимологического) /e/ в данной позиции, т.е. пользоваться одновременно терминами и синхронии, и диахронии.

Можно привести еще немало примеров непоследовательности в терминологии теории восточнославянского аканья, принятой в русской диалектологической науке, но сейчас мы не ставим такой цели. Важно подчеркнуть только, что эта терминология, описывающая аканье в синхроническом и диахроническом аспектах, утвердилась благодаря трудам Р.И. Аванесова, а также его учеников и последователей; она если не полностью подчинена, то во многом согласована с так называемой “редукционной гипотезой” происхождения аканья, сторонником которой был Р.И. Аванесов. Можно полагать,

что с дальнейшим развитием русской синхронической и диахронической диалектологии возникнет потребность в более адекватной терминологии. В данной работе мы будем пользоваться минимально модифицированной традиционной системой терминов, достаточной, как кажется, для описания довольно сложных явлений безударного вокализма полновских говоров.

В лингвистической литературе уже давно часть слова (а-, о)-*канье* стала терминологическим суффиксом, с помощью которого образованы термины *иканье, ёканье, еканье, ыканье, уканье*. Этими терминами будут обозначаться результаты нейтрализации противопоставлений гласных фонем в безударных слогах с соответствующими исходами, например, /e/–/u/ → /ɨ/ – *иканье*; /e/–/ɨ/ → /e/ – *еканье*; нейтрализация /e/–/o/ → /o/ после мягких согласных – *ёканье* и т.д. Аналогично, можно говорить также о а-каньи, ъ-каньи (ъ = /ɔ/ в транскрипции МФА) при нейтрализации, например, /a/–/o/ с исходом /a/ или /ɤ/, а в случае необходимости – и о других видах – *-канья*³ Исключение будет составлять только термин *оканье*, за которым необходимо сохранить традиционное значение (иначе невозможно будет пользоваться кардинальным для русской диалектологии понятиями *окающие* говоры, *окающий* вокализм и под.). Нейтрализация же оппозиции /a/–/o/ → /o/, пример которой приведен выше, квалифицируется как *гипероканье* (как и в [Бюллетень 1991, 17]).

Сохранение качества этимологических гласных в безударных позициях мы пытаемся обозначать более экономными терминами с формантом *-фония* (ср. *звонифония, какофония*), например, сохранение этимологического /e/ в безударных позициях – *е-фония*; сохранение /o/ – *о-фония* и т.д.

Безударные гласные, сохраняющие определенное качество в безударных позициях, аналогично качеству соответствующих ударных, будут называться *полными*; гласные, потерявшие такое качество вследствие сокращения (ослабления) – (качественно и количественно) – *редуцированными, ослабленными*. Отсутствие заметного сокращения предударных гласных предлагается называть *олофонией* (от греч. ὀλος ‘полный, целый’).

Удлинение безударных гласных, когда по длительностям они равны или превосходят ударные, мы называем *гиперфонией* (возможно, более подходящим термином было бы слово *плеофония*, но в английской терминологии оно обозначает явление так наз. восточнославянского полногласия).

Все безударные слоги, кроме заударного конечного открытого, предлагается называть *связанными*, имея ввиду то обстоятельство, что длительности их в основном подчинены закономерностям строения ритмической структуры слова в соответствующих говорах; заударный конечный открытый слог в этом отношении является *свободным*, и его длительность зависит от положения слова во фразе и в интонационном контуре.

Хотелось бы особенно подчеркнуть, что перечисленные термины рассматриваются как экспериментальные, и далее они используются (чтобы не зашифровывать изложение) наряду с традиционными.

О транскрипции примеров

В данной работе используются несколько упрощенная фонетическая транскрипция, близкая к принятой в "Бюллетене фонетического фонда русского языка" [Бюллетень 1991, 23–29].

Фонемы даются в косяках и обозначены прямым шрифтом, например, /o/, /e/; звуки речи выделяются курсивом (/a/, /o/ и т.д.).

Мягкость согласных перед гласными переднего ряда специально не обозначается (например, *детей, сиди́* и т.д.).

Мягкость согласных перед гласными заднего ряда обозначается с помощью знаков *я, ю, ё*.

Знаком *э* обозначается /e/ в начале слова (*э́тът*).

Ударение над /ë/ не ставится.

Мягкость согласных в конце слов и перед согласными обозначается либо с помощью /ʹ/, либо /ʹʹ/. Двойной запятой сверху обозначаются псковские краепалатальные шепелеватые *сʹ, зʹ* и фрикативизированные *тʹ, дʹ*.

Черточка сверху над гласным обозначает его фонетическое удлинение (гиперфонию), например, *пáйдú, пóшлá*; гиперфония может быть также просто оговорена, тогда она специально не обозначается.

В части примеров, для иллюстрации явлений гиперфонии и олофонии, а также редукции безударных, после гласных подписными цифрами указана их длительность в мсек, например, *сʹ⁰₄₈л⁰₈₂вá¹⁰⁶*; подчеркиваем, цифры указывают длительность именно гласных, а не слога (обращаем на это особое внимание, поскольку в некоторых случаях цифры стоят после слога для того, чтобы облегчить чтение примеров).

Псковские твердые /ч/ и /ц/ обозначаются просто как твердые, без специального указания на их невелиризованность или невыразительную, слабую велиризованность (которая в редких случаях сигнализируется точкой сверху (/чʹ/, /цʹ/)).

Знаки редуцированных (ослабленных, централизованных) гласных имеют следующее фонетическое содержание:

и ы у
ь
е ъ о
е а
а.

Знаки типа /ъ^а, ь^е, ь^и, ъ^о, ь^у /указывают на частичное сохранение тембра безударными гласными. Знаком /^о/ обозначен слогообразующий гласный призвук (при сильной редукции безударного гласного).

Знаки /ѳ/, /ǎ/, /ǣ/ обозначают фонетически краткие гласные соответствующего тембра.

Краткий характер безударных гласных высокого подъема, как правило, специально не оговаривается.

Слова, образующие одно фонетическое слово (фонетическую синтагму), соединены черточкой внизу /_/, например, он_та.

Конец фразы обозначается с помощью символа #.

Полновские говоры на территории Гдовского района

Полновская и гдовская системы предударного вокализма

На сосуществование оканья и аканья в прибрежных деревнях на восточном берегу Чудского озера обратил внимание Н.М. Каринский, который привел буквально несколько примеров этого явления, суммировав данные из дд. Мда, Ремда, Чудская Рудница “и некоторых других окрестных селений” [1916, 229–230]. Более подробно иллюстрировала это явление Н.П. Гринкова, отметившая, что “по характеру отражения аканья в первом предударном слоге можно проследить на протяжении Гдовского уезда определенную постепенность просачивания акающих говоров через Псковскую границу” [1925, 257–258]. Кроме того, она отметила, что (в Середкинской и Бельской волостях⁴ на юге Гдовщины распространено аканье, а в Полновской волости предударный /о/ сохраняется только перед /о/ ударным. К северу от Полновской волости по направлению к р. Плюссе, по ее наблюдениям, распространено уже оканье [там же, карта на с. 257]. Наконец, она отметила, что около Гдова находятся говоры, в которых аканье сочетается с предударным уканьем [там же, 258].

Сами понятия *полновского и гдовской систем предударного вокализма* сформировались в послевоенное время. Можно считать,

что гдовский вокализм был описан и классифицирован А.П. Евгеньевой, по наблюдениям которой в говорах Гдовского и Сланцевского районов “в предударном положении на месте О появляется А или У в зависимости от гласной в слоге перед ударением: перед гласными верхнего и нижнего подъема (и, у, ы, а) на месте О мы находим А, перед гласными среднего подъема (О, Е), независимо от их происхождения, появляется У” [1949, 211–212]. Что касается полновской системы (от названия г.п. Полна, см. карту на рис. 2), то не исключено, что ее впервые описал С.С. Высотский в докладе на диалектологической конференции 1952 г. В отчете об этой конференции отмечается, что С.С. Высотский рассказал тогда “о некоторых диалектных особенностях, до сих пор неизвестных или известных недостаточно. Большой интерес представляют новые типы предударного вокализма, отмеченные в районе г. Гдова. Эти типы, переходные от севернорусского оканья (в широком смысле) к аканью. В основе их лежит зависимость от гласного предударного слога, но зависимость эта – иного происхождения, чем в различных подтипах диссимилиативного и ассимилятивно-диссимилиативного яканья на территории южновеликорусских говоров. В значительной части говоров с переходными типами безударного вокализма отмечен почти полный параллелизм в изменениях гласных первого предударного слога после твердых и после мягких (в тексте опечатка “многих” – В.Ч.) согласных, что особенно ярко подтверждает наличие единых действующих здесь принципов” [Кузьмина – Мораховская, 1952, 130].

Мы решились на эту длинную цитату, поскольку доклад С.С. Высотского не был опубликован, а Т.Г. Строганова ссылается на него как на источник самого понятия полновской системы вокализма. Вполне возможно, что этот термин и прозвучал впервые на конференции 1952 года.

Можно без преувеличения утверждать, что термины и понятия гдовской и полновской систем вокализма окончательно утвердились благодаря работам и материалам Т.Г. Строгановой, которая побывала во многих пунктах Гдовского района и ввела в научный оборот собранные ею сведения. Как уже упоминалось в начале работы, полновский и гдовский вокализм в полевых условиях изучала также З.В. Жуковская, отметившая его в двух деревнях Плюсского р-на (полновский – в д. Пл. Которск, вокализм которого будет подробно рассмотрен нами далее, гдовский – в д. Гаврилова Гора [Жуковская 1968, 6]⁵ Но фактически у Т.Г. Строгановой не было оппонентов, и ее теория этих типов вокализма, т.е. особенности их реализации, варианты, взаимоотношения и проблемы генезиса, изложенная в

[Образование 1970, 392–452], является единственной в русской диалектологической науке.

Полновской системой предударного вокализма называется такая разновидность реализации гласных неверхнего подъема /е о а/ в первом предударном слоге, когда они нейтрализуются в /а/ перед последующими ударными гласными верхнего подъема, но сохраняются в соответствии с этимологией перед ударными среднего и нижнего подъемов. Более коротко: в полновской системе сочетаются предударное аканье-яканье перед ударными /и ы у/ и оканье – в остальных позициях:

	последующие ударные	реализация	примеры
Гласные /е о а/ в 1-ом предударном слоге	и ы у	/е о а/ аканье-яканье	вады́, зямлі́, ваду́, зямлю́;
	е о	оканье	водо́й, собе́, оте́ц, дете́й, водо́а, землѣ́.
	а	оканье	

В виде формулы эта система записывается как $C^{(1)}aCú, í, ú - C^{(1)}oCé, ó, á$ (где С – любой твердый согласный, С' – мягкий согласный; а в предударном слоге < этимологических /е, о/).

Говоры, для которых характерна данная система вокализма, в работе для краткости называются “полновскими”; подчеркиваем, полновскими они названы именно по типу предударного вокализма, а не потому, что они распространены только на территории Полновского с/с Гдовского района.

Гдовская система предударного вокализма отличается от полновской только тем, что в ней “акающей-якающей” является позиция перед последующим ударным /а/:

	последующие ударные	реализация	примеры
Гласные /е о а/ в 1-ом предударном слоге	и ы у	/е о а/ аканье-яканье	вады́, зямлі́, ваду́, зямлю́;
	е о	оканье	водо́й, собе́, оте́ц, дете́й;
	а	аканье-яканье	вадо́а, зямлѣ́.

В виде формулы она записывается как $C^{(1)}aCú, í, ú; C^{(1)}aCá - C^{(1)}e, oC^{(1)}é, ó$.

Для целей дальнейшего описания оказалось необходимым в принципе различать полновское и гдовское аканье с одной стороны, и полновское и гдовское яканье – с другой. Так,

полновским аканьем называется аканье в первом предударном слоге перед последующими ударными гласными высокого подъема – СаС[́]ú, í, ý (при сохранении этимологического /o/ во всех остальных позициях);

полновским яканьем называется яканье только перед ударными гласными высокого подъема – С'аС[́]ú, í, ý (при сохранении этимологического /e/ во всех остальных позициях);

гдовским аканьем называется аканье в предударных слогах перед ударными гласными верхнего подъема и перед /a/: СаС[́]ú, í, ý; СаС[́]á – при сохранении этимологического /o/ в слогах перед последующими ударными /e, o/;

гдовским яканьем называется, соответственно, яканье в позициях С'аС[́]ú, í, ý и С'аСа (при сохранении этимологического /e/ в слоге перед последующими ударными /e, o/).

Принципы полновского вокализма Т.Г. Строганова наиболее детально продемонстрировала на материале говора Чудские Заходы Гдовского р-на [1962, 106–107], и д. Узьмино Струго-Красненского р-на [там же], см. рис. 2, причем в последнем говоре имеются немногочисленные отступления от этого принципа в виде спорадического яканья. Она отметила также, что в говоре д. Аксентьево Псковского р-на (см. рис. 2) при полновской системе спорадическое яканье более частое, например, здесь произносится *сперва, не знала, река* и т.д., наряду с *вязла, плясала, трясла* и под. [там же, 107–108]. В [Образование 1970, 423–424] эти материалы были дополнены только ссылками на пункты 81, 82, 94, 97 ДАРЯ (см. карту на рис. 2). В обеих работах содержатся материалы из “д. Лядинки Изборского р-на – Чухнова Лядинка” Гдовского р-на, о недоразумениях с названием и локализацией которой сказано в комментарии к карте (на рис. 2). В общем же, приходится констатировать, что полновский вокализм демонстрируется на материале всего двух говоров с упоминанием о том, что он характерен также для говора д. Чудская Рудница.

Следует также отметить, что Т.Г. Строганова также предприняла попытку модифицировать описанное выше понятие полновской системы вокализма, сузив его до состояния, зафиксированного ею в неидентифицированной пока д. Чухнова Лядинка. В этом говоре, по ее наблюдениям, в положении перед ударным /a/ этимологическое /a/ реализуется обычно как /ъ/, т.е. наблюдается ъ-канье, например, *къкая, скъзала, пъхат*” и т.д. [Образование 1970, 423]. По мнению Т.Г. Строгановой, это явление характерно и для говоров 81, 82, 94, 97 ДАРЯ, хотя примеров, записанных другими диалектологами, при этом не приводится.

Очевидно, на основании опубликованных данных очень трудно даже приблизительно определить ареал распространения полновской системы и понять, как далеко она выходит за границы Гдовского района.

Гдовский вокализм проанализирован Т.Г. Строгановой несколько более подробно в лингвогеографическом аспекте. Наиболее типичным в этом смысле является, по мнению исследовательницы, говор д. Радоселье Гдовского р-на. По ее мнению, такая же система предупредительного вокализма “с незначительными или даже единичными отклонениями отмечена также в нас. пунктах Подсосонье, Тербачево, Гнилице, Кареловщина, Спицино” [1962, 103–104]. Та же самая информация со ссылками на обследованные пункты ДАРЯ (без цитации примеров) приведена в [Образование 1970, 422–423].

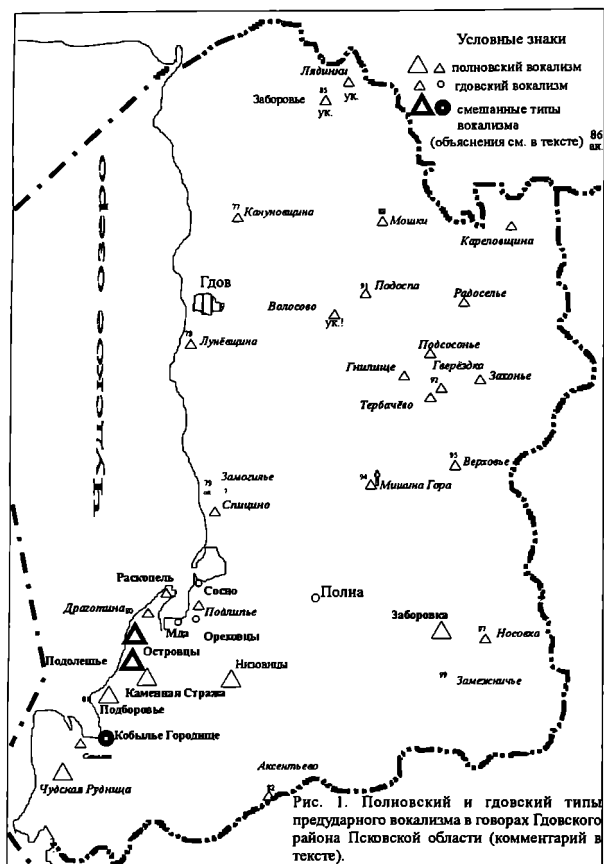
При гдовском вокализме в некоторых говорах наблюдается уканье, т.е. реализация предупредительного /o/ в допустимых позициях как /y/, что и отметила А.П. Евгеньева. Как типичный пример такого вокализма Т.Г. Строганова приводит данные говора д. Лядинки и дает также ссылки на пункты 78 и 85 ДАРЯ [Образование 1970, 423]. В д. Волосово, кроме того, отмечено спорадическое гиперуканье, при котором, по крайней мере, в некотором количестве слов, как /y/ произносится этимологическое /a/, например: *рустѣ* ‘растет’, *с крусьбѣ* ‘с красой’ [Строганова 1962, 104–105].

Обзор вокализма 2-го предупредительного слога в гдовских говорах по данным ответов на программу ДАРЯ содержится в [Образование 1970, 427–430]. Можно утверждать, что в работе С.Б. Степановой [1997], предпринята первая попытка более полного анализа гдовского вокализма с указанием реализации гласных в большинстве безударных позиций. *В общем же приходится констатировать, что до сих пор не существует ни одного сколько-либо полного описания безударного вокализма ни одного из говоров Гдовщины, для которых характерна полновская или гдовская системы.*

В данной работе мы стремимся прежде всего хотя бы частично восполнить этот пробел.

Комментарий к карте “Полновский и гдовский вокализм в говорах Гдовского района”

Необходимость составления сводной диалектологической карты Гдовского района, на которой было бы четко представлено распространения различных видов предупредительного вокализма, продиктована следующими обстоятельствами.

В работе [1962] Т.Г. Строганова опубликовала карту-схему распространения аканья и оканья в отдельных позициях в северной части Псковской области – но без указания пунктов, где эти явления зафиксированы.

В [Образование 1970, 422–423], наоборот, перечислены пункты, в которых зафиксирован гдовский и полновский вокализм, а также гдовское яканье (в том числе и деревни, обследованные по прог-

рамме ДАРЯ), но не приведена карта этих пунктов. В то же время на небольшой карте “112. Явления, локализующиеся в пределах Гдовской группы говоров” [там же, 408] без указаний пунктов в общем обозначена граница “распространения предударного вокализма после мягких согласных гдовского и полновского типа”; эта карта не читается из-за малого масштаба.

Говоры, для которых характерен гдовский вокализм, на нашей карте обозначены двояко:

светлым треугольником, если их предударный вокализм был уста-новлен ранее;

черным кружком, если характер их предударного вокализма был определен нами.

Полновские говоры также обозначены двояко: маленьким треугольником, если характер их вокализма был определен ранее, и большим треугольником – если нами.

Типы вокализма говоров дд. Подолешье и Островцы, а также Кобылье Городище, в которых сочетаются элементы полновского и гдовского вокализма, описаны в следующем разделе.

Сокращение ук. при знаке гдовской системы вокализма означает, что эта система в данном говоре осложнена предударным уканьем.

На карте рис. 2 указаны следующие населенные пункты, обследованные по программе ДАРЯ: 77 – Кануновщина Гдовск. с/с; 78 – Лунёвщина Гдовского с/с; 79 – Замогилие Полновского с/с; 80 – Драготина (в ДАРЯ Драготин) Спицинского с/с; 81 – Подборовье Спицинского с/с; 82 – Аксентьево Середкинского с/с Псковского р-на (деревня находится на самой границе двух районов); 85 – Заборовье Вейнского с/с; 88 – Мошки Вейнского с/с; 91 – Подоспа Гдовского с/с; 92 – Гверёздка (в ДАРЯ Гверёстка) Плесновского с/с; 94 – †Мишина Гора Полновского с/с; 95 – Верховье Чернёвского с/с; 97 – Носовка Первомайского с/с; 99 – Замежничье Полновского с/с (записи в них были сделаны в 1946-1947 гг. и впоследствии не уточнялись). Названия населенных пунктов, обследованных по программе ДАРЯ, отмечены простым курсивом (как *Подоспа*).

Д. Мишина Гора в настоящее время не существует, ее местоположение на нашей карте указано приблизительно.

Говоры обследовались в то время, когда, согласно [Адм. деление 1988], существовали сельсоветы (с/с), по этой причине мы считаем целесообразным указывать именно сельсовет, а не волость соответствующих населенных пунктов.

Ближайший к Гдовщине сильно акающий-якающий говор на северо-востоке, обследованный по программе ДАРЯ – пункт 86 (д. Жи-

лино Осьминского с/с Ленингр. области, на нашей карте указан с пометой *ак.*).

Кроме пунктов ДАРЯ, Т.Г. Строганова упоминает еще ряд деревень, предупредительный вокализм которых был исследован ею лично; на нашей карте названия этих пунктов написаны полужирным курсивом (как *Радоселье*).

Названия деревень, обозначенные прямым полужирным шрифтом, обследованы мною совместно с Я.И. Бьёрнфлатеном (Раскопель и т.д.).

В работе [1962, 108–109] Т.Г. Строганова указывает, что полновокализм при уканье ее зафиксирован в д. Лядинки Изборского р-на. Здесь допущена явная ошибка, поскольку в Изборском районе есть д. Лядинка, которая находится на самой границе с Эстонией, в 5 км на юго-запад от д. Моложва. Наши записи, сделанные летом 1992 г. в соседней д. Вишняково, свидетельствуют о том, что здесь распространено сильное аканье-яканье, как это отмечено на карте 1 ДАРЯ. В [Образование 1970, 422–423] эта ошибка, частично исправлена; в тексте на с. 423 здесь упоминается д. Чухнова Лядинка Гдовского района, которой, судя по [Адм. деление 1988], в настоящее время не существует. Таким образом, установить местонахождение д. Чухнова Лядинка мы не можем. Ясно только, что это не может быть деревня Лядинки Вейнского с/с, которая названа Т.Г. Строгановой “Лядинкой” и говор которой отнесен к гдовскому типу с уканьем [1962, 104].

В статье [1962, 104] упоминается также несуществующая ныне д. Вельяшев Лог, местонахождение которой не удалось установить.

К числу деревень, обследованных мной и Я.И. Бьёрнфлатеном в 1993 г., относятся: Раскопель, Сосно, Подлипье, Мда, Драготина, Островцы, Подолешье, Каменная Стража, Подборовье Спицинского с/с, Кобылье Городище, Чудская Рудница Самолвонского с/с, Заборовка Первомайского с/с⁶.

К характеристике безударного вокализма полновских говоров на территории Гдовского района

Подборовье

Большая рыбацкая деревня Подборовье расположена на берегу Чудского озера. Сельским хозяйством здесь занимались мало, льна не обрабатывали. Теперь в ней постоянно проживают только одни женщины.

Магнитофонные записи здесь были сделаны от четырех информаторов. Старшей из них была А.Ф. Борунова 1905 г. рождения. Все информаторы либо неграмотные, либо малограмотные и безвыездно проживали в деревне.

Гласные первого предупредного слога

Для говора деревни характерен полновский тип предупредного вокализма с аканьем-яканьем в слогах перед ударными /и ы у/ и оканьем перед остальными ударными, т.е. произношение типа *наси́, казы́, казу́ / ряки́, ляжсы́, ляжсу́* – но *коза́, козе́, козб́й / пекла́, реке́, рекб́й, ср.*

(примеры аканья): *гъварит́” ни мазу́, пали́у, прайду́, ради́лгс”, г°варю́/гъварю́, сваю́, сходи́т”а, хадил́и, лавил́, лавили́, бяру́, карми́т”, яны́, яму́, яю́, накры́тая, прасты́ла, каси́л, стаи́шкы́ (смечыш), вас”пны́тыват”, накры́тая, нас”ц”или́ся, (на роботу ушли) напи́фшы;*

(примеры яканья): *к вясны́ ‘кб́рфики́’ (‘вид корзинок’) пляли́, ня жы́ла, ня пил́и, ляжсу́, с”нятки́ ‘снетки (вид рыбы)’, бяру́, пяку́, пякли́, зямли́, привяли́ ‘привезли’;*

(примеры оканья – сохранения этимологических /o/, /e/ в предупредном слоге перед последующими ударными /e o a/): *робб́т-ники, робб́тила, погб́ода, помб́ок, хорб́оня, прошлб́о, покб́ос, водб́ой, домб́ой, огрб́омных, потб́ом, корб́оф, ногб́ой, ф коп’б́ошки, недб́елю, д”етб́ей, земб́л’ку, крешшб́ен’йе, бесб́еду́е, дерб́евня, невб́стка, сер’б́ом, пешкб́ом, от”б́ец, немб́ошка, пекб́еш, вес”б́лкам ‘вслом’, ов’б́ос (но па афсу), вер’б́оф’ки, мерб́ежы, не помб́ню, процб́дим, процб́де, собб́е (дат.п.), прошл́а, тогд́а, скот́а, пожан́ки (зарб́с”ли), попас”ц”, онна́я (жну), в оц́а, (на своём) хоз”а́йстве, о́пята́”, сто́яли, ост́алася, росќазыват”, боу́аты́й, не зная́, онна́ (< одна), не зная́, д”ержа́ли, лежа́т (но ляжсу́), венца́лися, мян́я, приежд́жали́, в двена́цэт” часб́оф и т.д.*

Отступления от полновского принципа буквально единичны: *нямб́ошка* (при обычном *немб́ошка*), *стай́начки, хлоп́ин* (< хлопья) *насы́плиш, на матб́орах йб́ез”дзе, с” пяска́* ‘из сахара-песка’ Слово ‘воскресенье’ все информаторы произносят как *въскриси́ение* (с иканьем); спорадически иканье в слоге перед ударным /é/ наблюдается и в других словах (как вариант более частого екающего произношения, напр. *дитб́ей* и *детб́ей*).

В целом ряде слов отмечено предупредное ёканье: *на крб́ста́х, вец”орб́ок, с”остра́, с” с”острб́ой, с”о”б́нни, топб́р’, мб́тали́, ришб́отб́о, хлб́бат”, хлб́бали́, чоловб́к, (ал’) цовб́о несб́м, тьнцб́овали́, робб́енак, в’оснб́ой, с поб́сам, фс”огд́а.* Гипероканье отмечено только в словах (ны) *годб́али́ (угодб́али, я ни годб́ала), годб́ал’шчыка, обб́орты, обб́ортыф*

‘аборты’ В речи А.Ф. Боруновой встретилось также *собѣта* ‘субота’ и *восѣко* (< высоко). Своего рода “гиперяканье” зафиксировано в слове *рясѣнки*.

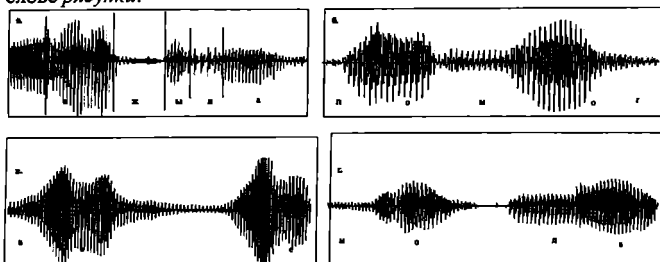

Рис. 3. Осциллограммы слов: а. /нажыла/ во фразе /траих детей нажыла/ (предударный /а/ - 115 мсек, ударный /ы/ - 75 мсек); б. /помог/ во фразе /помог бог мне/ (предударный /о/ - 91.4 мсек, ударный /о/ - 83.4 мсек); в. /езде/ в синтагме /езде была/ (предударный /е/ - 114.6 мсек, ударный /е/ - 106 мсек); г. /могла/ (предударный /о/ - 108.6 мсек, ударный /а/ - 116 мсек). Говор д. Подборовье, инф. А. Борунова.

Самой заметной особенностью предударных /е/, /о/ и /а/ является их большая длительность и сильная выделенность. На слух они кажутся не просто “полными”, т.е. полностью сохраняющими качество, но и несколько более длительными, чем просто предударные. Более того, они часто – как только, видимо, это позволяет интонация говора, – удлиняются так, что возникает впечатление предударной длительности. Эта *гиперфония* типологически (как фонетическое явление) сопоставима с реализацией предударных долгих в литовских говорах, особенно перед последующими краткими ударными.

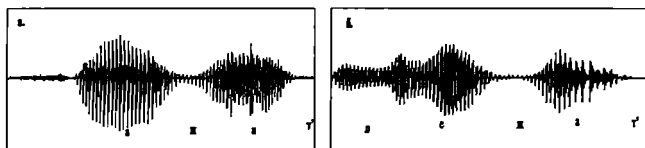

Рис. 4. Осциллограммы слов: а. /сажат"/ во фразе /тмогла сажат"/ (предударный /а/ - 133.5 мсек, ударный /а/ - 113.2 мсек); б. /лежат"/ во фразе /вот тол'ки лежат"/ (предударный /е/ - 116.8 мсек, ударный /а/ - 99.4 мсек). Говор д. Подборовье, информ. А. Борунова.

В нашем говоре особенно выделенным и “протяженным” в этом смысле является предударное /а/ (< этимологических /о/ и /а/) перед

ударными гласными верхнего подъема и предударные /o/, /e/ перед последующими ударным /o/. В абсолютном большинстве приведенных выше примеров эти предударные можно было бы транскрибировать со знаком долготы – как *п^ра́йд^у*, *та́ких*, *ла́вил*, *зна́комый*, *вясны́*, *ка́кой*, *р^об^оти́ла*, *ве́сной* и т.д. В словах в начале фразы, под эмфазой и некоторых других интонационных позициях иногда кажется, что ударение переносится на предударный слог. Представление об удлинённых предударных можно составить по осциллограммам отдельных слов на рис. 3 и 4. Приводим также некоторые примеры реализации предударных с указанием их длительности (в мсек; для сравнения даются также длительности последующих ударных):

*де*₈₂*т^ей*₁₂₀, *де*₈₁*т^ям*₉₂, н'е₁₀₃*мно́*₈₇*шка*;
*со*₉₄*бе́*₁₁₇, *ро*₁₃₉*бо́*₁₂₀*ти́ла*, *ро*₁₂₆*бо́*₁₁₇*ти*, *ро*₁₁₇*бо́*₉₆*та́т*"₆₅, и *по*₁₀₉
*мо*₁₀₃*бы́* 'помочь бы', *мо*₁₃₆*гла́*₁₂₀, *про*₁₀₃*шла́*₇₉;
*ня*₈₈ *жы́*_{ла}, и *п^ь55**на*₁₇₈*лю́*₁₀₀, *ни*₈₂ *ма*₁₁₇*ту́*₇₈, *ма*₉₈*ту́*₇₁, *ля*₁₄₅*жу́*₁₀₈,
*пра*₁₁₆*йду́*₇₅, *та*₁₀₃*к^их*₆₂;
 и *п^ь43**са*₁₃₆*ж^ат*"₁₂₁; *п^ь51**си*₉₇*жу́*₉₁.

Предударное /a/ перед последующим ударным /á/ удлиняется

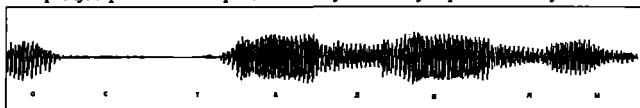

Рис. 5. Осциллограмма слова /остаялись/ во фразе /двое остаялись/: длительность предударного /a/ - 91.4 мсек, ударного /a/ - 103.4 мсек (д. Подборовье, инф. А. Борунова).

несколько реже. Подобно предударному /a/ в иных позициях, оно обычно сохраняет свой тембр, т.е. качественно не редуцируется, например: *стая́нчки*, *ляж^ат*", *п^ьсаж^ат*" (*помогла́*). В некоторых случаях предударное /a/ в данной позиции на слух кажется несколько более кратким, и его можно было бы транскрибировать как /ǎ/, например, *тра́ва во ка́ка*; *в'ǎзали*, *п^ьтстǎляши* 'подстаёш (при молотье)'. /ǎ/ особенно заметен в тех случаях, когда во фразе рядом есть слова с /ǎ/, например / и *п^ьǎлю́* и *п^ьсǎж^ат*" *помогла́* /. Однако не зафиксировано ни одного случая подлинной редукции предударного /a/ в данной позиции. Более того, под фразовым ударением обычна гиперфония /ǎ/ (*скǎж^ат*", *тр'ǎпак*, *пǎсхал'ная неделя*, *пǎхали*). На рис. 4 и 5 приведены примеры предударного /a/ удлинённого (в слове *саж^ат*") и /a/ "нормального" (в слове *остаялись*).

Гласные второго предударного слога

В данной позиции наблюдается:

последовательная и выразительная *офония* в неприкрытом слоге: *обрабáтывали, осталя́лись, обошйó, огорóдъх, обруцóф, обручóф*, как это отмечено на карте 35 ДАРЯ; только 'огород' однажды было произнесено как *угорóт*; в потоке речи начальное /o/ может и редуцироваться, ср.: *вётир та ътвярнóл, вяснó ътвяснóю*;

довольно последовательное оканье в слоге перед последующим предударным /o/, причем /o/ во втором предударном слоге является кратким и может частично терять тембровую окраску (/ʔ/ в транскрипции): *полотёнцы, молодáя, тóлокнó, тóлокнá, чóловéк/чóловéк, нà пóтолоки, бóровáм, чóлонóк*; гораздо реже /o/ в рассматриваемой позиции редуцируется до /ʔ/ или /ʏ/, ср.: *пʔó свойóм, пʔóмоглá, рьзоб'йóцца, тьнцóвáli*; этимологическое /a/ сохраняет свой тембр (*намотáиш, загорóдъчки, надоёла / нʔдоёла, старовéры*);

перед предударным /a/ только в единичных случаях отмечено /ð/ краткое: *пðпалó, пðсáжáт*", *лðшадéй*; обычно же произносится *гъварjó, стъранý, нъ яjó, съпáгá, прънáдáит, мълатíльцкá, мълатíльцкэм, пъсадíл, нъ лъшадя́х, пътс"цябáли*, или же краткое редуцированное /a/ – *зарáбáтыват*", *малатíли, малатíльцкэм, пала-вйна, малатíла, рьз"дзялíлис*", *бъравикí*; в словах под эмфазой может прозвучать полное /a/ – *зарáбáтывали, накрывáл*, и даже более сильно, как бы с дополнительным ударением – *кáлатíли*;

в слоге перед предударными гласными верхнего подъема наблюдается довольно последовательное аканье (собственно а-канье): *палукáт*", *палукáл, назывáицца, назывáюцца*, однако отмечено и произношение типа *к вʔскрисén'йу; пълавичкí, пълавикí събирáла, пъстушкí, пъстушкáм*,

наконец, этимологическое /e/ в данной позиции обычно представлено звуком /u/, хотя изредка наблюдаются случаи сохранения /e/, ср. *римешкóм, ришотó, на ришатí, (они) тя́ну ниводáм, тижалó, ни кядíфшы 'не цедившы', снитавéи рíсцы 'сети на снеток' хотя вет"орóк, нъ бёрягý*.

В третьем предударном слоге /o/ и /a/ редуцируются до /ʏ/, а этимологическое /e/ реализуется как /u/: *бъравикí, пьдбёрэзавики, пьрализóванный, пиридевáлис*"

Гласные в заударном конечном закрытом слоге

Эта позиция в говоре является самой слабой для безударных гласных в том смысле, что здесь преобладает /ʏ/ – краткий реду-

цированный звук < /o/, /a/, и иканье (после мягких согласных): *лошѣт*", *малатѣльцѣм*, *бѣбѣм*, *палѣжѣм*, *мешѣчѣк*, *нѣ лѣтѣкѣх*, *с рѣмачѣкѣй*, *д'венѣцѣт*", *нѣвѣдѣм*, *в ѣтѣт*, *огорѣдѣх* (предл. мн.), *матрѣсѣм*, *сѣтѣкѣм*, *борѣф*, *дѣвѣк*, *дѣлѣл*.

В речи одних и тех же информаторов в данной позиции нередко также /a/: *ф копѣрыцѣках*, *вес"ѣлкам*, *вѣкал клубѣ*, *заборѣам*, *робѣнак*, *мерѣжѣам лавѣили*, *з брѣатам*, *пѣястѣкай*, *ф формѣам*, *лопѣатѣчках*;

Четкое иканье в данной позиции абсолютно преобладает: *вѣсим*, *ѣмир*, *дѣсит*", *цѣрис*, *вѣтур*, *дѣвит*", *дѣсит*", *дѣвир'*, *камин'*, *пѣрин'*, *пѣмит*", *молѣбин'*, *ѣчирит*", *мѣстир*. Случаи ослабления /u/ (произношение типа *лѣм"ѣи*) очень редки, несколько чаще /e/ сохраняется: *кѣнем*, *вѣтѣр*, *чѣт'вѣр'т*", *бѣрѣк*.

В безударных окончаниях форм глаголов I спряж. абсолютно последовательно произносится /u/; создается впечатление, что это /u/ просто морфологизировано: *мѣлиш*, *сѣллиш*, *пѣдгѣляѣиш*, *дѣтяним* (хотя этот же информатор произнес и *тѣнем*, и даже *вѣжѣом*), *знѣите*.

Гласные в заударном неконечном открытом слоге

В русской диалектологической литературе реализация гласных в этой позиции специально не рассматривается. Мы считаем необходимым выделить ее особо, поскольку в данной позиции гласные неверхнего подъема, в отличие от предшествующей позиции, сокращаясь, как правило, частично сохраняют свой тембр: *зарабѣтывѣли*, *рабѣтали / рабѣтели*, *зарабѣтывѣли*, *солѣнаю*, *выгарѣла*, *за ѣзѣра* (но *ѣзира*), *склѣдѣна*, *пѣ бер'ѣгу*, *пѣ лесу*, *дѣлѣли*, *мѣс"ѣцѣф*, *поцѣплѣна*.

Гласные в заударном конечном открытом (или свободном) слоге

В этом слоге наблюдается последовательное аканье и последовательная эфония, т.е. этимологическое /o/ реализуется как /a/, в то время как /e/ сохраняет свой тембр: *склѣдѣна*, *робѣты нѣ была*, *з"ѣмли мѣла*, *зерѣшка*, *тѣпла* 'тепло' – но *рыбѣ нѣлове*, *раз"мѣнѣя*, *выручѣкаѣ*, *выручѣе рынка*, *лове*, *сѣле* (ср. *дерѣв'ня*).

Длительность гласного в данной позиции широко варьирует под влиянием интонации; в конечной позиции во фразе гласные часто являются очень длительными.

На стыке слов наблюдается сандхи, т.е. качество гласного определенным образом – видимо, по законам фонетики предупредительного слога, изменяется под влиянием последующего гласного, например: (*соха*) *дѣбрѣпѣ_пѣша*, *пахѣла_та*, *нѣдоѣлѣ_ужѣ*. Для более

детального описания этого явления мы не располагаем достаточным количеством примеров.

Чудская Рудница

Это большая рыбацкая деревня на берегу Чудского озера в 10 км южнее Подборовья. В 5 км к югу от нее находится д. Чудские Заходы, обильный материал из говора которой, демонстрирующий особенности только предупредного вокализма, приведен в статье Т.Г. Строгановой [1962, 106–107]; здесь же указывается, что “очень близок к этому вокализм д. Чудская Рудница того же района, но в нем, наряду с примерами *с'острой, в'осной, П'отроф д'ен', с'овон'н'и*, единично отмечено *п'асоц'ик*” [1962, 107].

Нашим информатором была Пелагея К., 1914 г. рождения, неграмотная. Она очень хорошо понимала, что нас интересуют особенности традиционной речи и демонстрировала их “под контролем” молчаливых наблюдателей – своего 88-летнего мужа и более молодой соседки. По ее словам, старшие жители деревни цокают; деревенская речь, по ее словам “серая”, вообще, /ны палувѣрцы/ сказала она.

Вся полторачасовая запись речи Пелагеи К. (тети Поли во время беседы) была просмотрена в виде осциллограмм. Это позволило и проверить результаты слухового анализа, и уточнить акустические характеристики некоторых явлений.

Гласные в первом предупредном слоге

Можно утверждать, что говоры Подборовья и Чудской Рудницы практически тождественны. Это означает прежде всего, что для говора Чудской Рудницы, как это отметила Т.Г. Строганова, характерна полновская система предупредного вокализма (т.е. полновское аканье и полновское яканье), ср.:

пашлі, пятлі, пятлю, хаділа, спасіба, даліны, зямлю, яму, зямлі, даскі, карміли, пóc'ли / дъ вайны, пяль (но /многа п'олоф/), таку ядў, з' дярвіны и т.д.;

дерэвня, пъ недѣли, беллѣ ‘бельѣ’, т'елѣнак, пешкѣм, поспѣе, колхѣзм, роз'д'елена, мешѣк, осѣфки, топѣр' / тепѣр', поспѣе, колѣта (они), робѣтали, корѣвы, конѣм и под.;

мѣня, сем'яа, местѣх, крес'т'яанскае (семья), держѣли, хозяйста, коня, пошла, тогда, когда, посад'е, от'ѣц, лопѣткай, опкѣхыву замѣшки ‘обкашивают замежки’ и т.д. – при сохранении в этих же позициях этимологического предупредного /а/ (например: *вязѣли, запѣс, пахѣли, картѣшка*).

Кроме примеров предупредного гиперѣканья, приведенных Т.Г. Строгановой, мы отметили также *с'остра, с'т'обѣли, ришѣтѣ* и один случай заударного гиперѣканья (*в ѳз'ѣра*).

Все предударные гласные неверхнего подъема не только качественно и количественно не ослаблены, но зачастую они значительно превосходят по длительности последующие ударные, особенно верхнего подъема. Такого рода гиперфонию можно считать

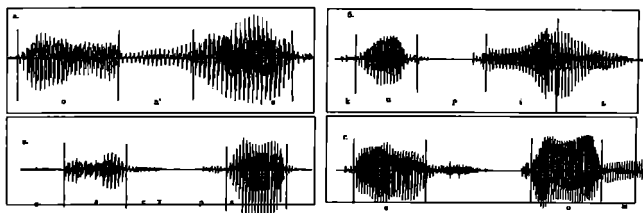

Рис. 6. Осциллограммы предударных и ударных гласных в говоре д. Чудская Рудница. а. Слово /коня/ во фразе /коня кути/: предударное /о/ - 92 мсек, ударное /а/ - 112 мсек. б. Слово /кути/: /у/-78 мсек, /у/-конечное - 95 мсек, ь-призвук - 118 мсек. в. Слово /сёстра/ в синтагме /сёстра помирла/: /о/ - 89 мсек, /а/-ударное - 78,3 мсек. г. Слово /нешкам/ в синтагме /нешкам ушав/: /е/ - 109,5 мсек, ударное /а/- 99,4 мсек.

нормой произношения. При интонационном усилении гиперфония становится особенно выразительной; для демонстрации приводим осциллограммы слов /коня́, сёстра́, нешка́м, спа́сибо/, см. рис. 6 и 7. В отличие от говора Подборовья, в Чудской Руднице предударное /а/ систематически произносится удлинненно перед последующим /а/ ударным (как, например, в слове /пахали/, см. рис. 7). Приводим также некоторые примеры гиперфонии в различных позициях с указанием длительности предударных и ударных: се₁₀₆м'я́₁₉₄, не₁₀₄шкó₉₉м, ни₆₅ да₁₃₃дú₇₅, с''₀₆₉стра́₆₇, па₁₀₇ха́₁₃₀ли, о₁₀₁тё₉₀, за₁₀₄пáс₁₂₇, заста₁₀₇вяля́₁₃₂, вя₁₂₆зáт''₁₄₉, ня₁₅₄тлú₁₂₇, спа₁₂₀сú₇₅ба₆₁, поро₁₄₅сýд₁₆₁ (держали), ска₁₅₈зáт''₁₄₅, нъ₄₉ ка₁₂₃бý₁₁₅л'я́, на₁₂₀мé₁₂₁лем₈₂ и т.д.⁷

Гласные верхнего подъема заметно не удлинняются в этой пози-

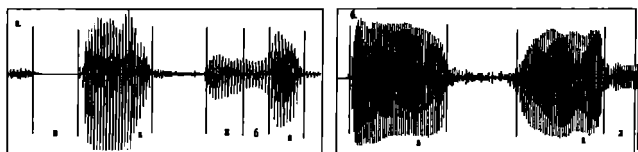

Рис. 7. Предударный /а/ в словах а. /спасибо/ - 119,7 мсек (длительность последующего /у/ - 69,5 мсек); б. /пахали/ - 132,7 мсек (длительность последующего /а/ ударного - 119,7 мсек). Говор д. Чудская Рудница.

ции, ср. длительности предударных в синтагме /ко₉₇н_я₉₆ ку₆₇н_и_м /.

В ряде случаев, особенно перед ударными гласными верхнего подъема, ударение кажется перенесенным на предударный слог (например, *ка́ку н_иву*).

В интонационно нейтральных или слабых отрезках фраз предударные и ударные гласные как бы подравниваются по длительности, произношение становится похожим на послоговое скандирование.

Гласные во втором предударном слоге

Эта позиция не является в говоре абсолютно слабой, и в ней наблюдается некоторое разнообразие реализации этимологических /o/ и /a/. Связано оно с интонационными условиями. Эти гласные могут не только редуцироваться и терять тембр, но и значительно сокращаться, превращаясь в слогообразующий призвук, например: *п^бд-росла́, п^бтказа́т*", *п^б20т карто́шку*, ср. также *п^б20р^б30ли8130108ва́145ла*. Выразительное /ь/ более длительно: *п^б67 неде́ли, ст^б42рикóм, п^б67неде́ли, р^б52пуста́л, д^б43 вайны́, п^бр^бнада́мы, м^б38лати́лки, м^блати́ли / ма́лати́ли*. Нередко даже при небольших длительностях слышится а-образный звук: *да колхо́за, застава́л, за55 лопáтку, н^б54до104-э́133ла56, ба49раз"ди́н, галова́, ма70лочка́, халади́л'ник, ма51лати́лка*. Наконец, под эмфазой здесь может выступать выразительное /a/: *на78дойе́лб ф по́ле*.

В позиции перед предударным /o/ ослабленный гласный имеет часто о-оттенок: *м^б52ло87деш72, п^б42 го62ро84да́м114, п^б46колóс"ам*. При интонационном усилении в этой позиции может выступать краткое /o/ (редко – полное /o/): *порося́д держа́ли, по62ло97ска́110ли, по́дойде́, мло́да́я*.

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что вероятность и степень сохранения качества /o/, /a/ во втором предударном слоге напрямую зависит от длительности гласного, которая, в свою очередь, зависит не только от позиции в слове, но и от степени интонационной выделенности слова в целом. Не исключено, что между говорами Подборовье и Чудской Рудницы существуют некоторые различия в реализации гласных /a/, /o/ в этой позиции.

Этимологическое /e/ (и, кажется, /a/ после мягких согласных) во втором предударном слоге – независимо от качества последующего предударного – без исключений реализуется как /u/, например: *синокóсы, ни даду́ 'не дают', ни хоте́ли, ни дажэ́, йидинали́шникам, пидеся́т, ди́ряви́ны*.

Гласные в заударном закрытом конечном слоге

В этой позиции этимологические /o/, /a/ реализуются так же, как и во втором предупредном слоге, именно, в словах не под эмфазой и не в конце фразы они обычно сокращаются и теряют тембр, например: *рыба́цкѣй, ф ка́ждѣй, ря́дѣм, за о́стровѣм, старѣс*"₇₈, *телѣнѣк, колхо́зѣм*₄₁, *со́ткѣм*₃₀, *шля́пѣй / шля́пѣй*. В интонационно более сильных позициях, особенно в конце фраз (отмечено знаком /#), они являются более длительными и частично сохраняют тембр /a/: *со́ткам*₆₇, *со́так*₆₆, *лопа́ткай*_{72#}, *со́ткам*₇₀, *три́цѣт*"₅₂ *со́так*_{66#}, *грохат, грѣхъ*"_{там}_{78#}, *ниву́шкѣм*_{71#}.

Этимологический /e/ реализуется либо как /u/ (*ка́мин', но́мир*), либо – в указанных интонационно сильных положениях, сокращаясь, сохраняет тембр: *восѣм, помѣр*_{74#}, *пѣрѣт, восѣм*₆₈, *бума́жѣк*_{89#}, *пѣжѣн*"_{70#}, *ко́нѣм, ко́нем, намѣлем*_{82#}, *пѣ колѣс*"_{ем}_{81#}, *вѣтѣр*_{64#}; подчеркиваем, такая реализация /e/ не характерна для второго предупредного слога. По этой причине между реализацией гласных верхнего подъема во втором предупредном слоге и в рассматриваемой позиции нет полного параллелизма. Более того, несколько примеров указывают на возможность яканья в заударном закрытом конечном слоге, ср.: *во́с*"_{ам}, *во́с*"_{ем}₆₂, *пѣ*"_{колѣс}"_{ам}₅₂.

Гласные в остальных заударных связанных слогах

В заударных неконечных слогах, как открытом, так и закрытом, /o/ и /a/ нейтрализуются, и исходом этой нейтрализации могут быть звуки /ъ/, /а/, реже – /а/. Совершенно очевидно, что тембровая окраска гласного зависит, как и в других случаях, от его длительности, а длительность, в свою очередь, обусловлена интонационными факторами. Например, видя, что мы не понимаем, что такое *пѣс*"_{мины} или *пѣс*"_{мы}, информатор подчеркивает голосом – межевые знаки на земле /*вѣ*₁₁₆*ря*₈₁*за*₉₇*нѣ*_{171#}/ и что ямки /*вѣ*_{ка}₄₃*па*₈₈*нѣ*_#/. По длительностям заударных видно, что соответствующие слова находятся под сильной эмфазой.

В наших записях зафиксировано:

*бо́рь*₄₄*зды, наре́зѣ*₅₃*на;*

*рабо́тали, э́хала, э́та*₆₅*ва, оста́лася, (пѣс*"_{мина}) *наре́зана* 'указаны межевые знаки', *наре́зѣ*₆₅*на, де́ла*₇₀*ли, за о́стровѣм, прѣваза* 'цеп', *де́лат*"₅₃, *ил' о́па*₇₀*лка, де́вачка;*

чаты́рнацѣтъм, чаты́рнѣстава го́да.

Этимологическое /e/ реализуется либо как /u/ (*но́мирла, по прѣжнѣму, пѣс*"_{мина} (наре́зана), *лѣгин* ка), либо, в более сильных

позициях, сохраняет свой тембр: *пóмёрла*, *дэвёт*⁵⁹, *вóсём*⁶⁸, *на_бе*⁵⁸*рек*⁶⁵, *óзэ*⁷⁸*ра*, *нивушэк*⁷², *роз*⁷*дёлэна*, *вы́ка*⁸⁷*ше*⁷⁸*на*⁶⁷ *бы́ла*, *пёрёт*⁷⁸, *жэре*⁷³*би*, *достáнэца*, *на ветёр*⁶⁴, *чэ́твэра*, *вы́т*⁷*ане*, *кóнем*, *жóбрнэм*, *намéлем*^{82#}.

В одном случае прозвучало *пáлб*⁶⁴*чки* или *пáл*⁶*чки*; пока непонятно, насколько часто и по какой причине возможным является сохранение тембра /o/ в этой позиции.

Гласные в заударном свободном слоге

В данной позиции наблюдается последовательное аканье, например: (нас восемь детей) *бы́ла*, *плóха*, *хозяста* 'хозяйство', *спаси́ба*, *óзера*, (все) *роз*⁷*дёлэна*, *лопáткой* *вы́капана*, *примёрна*, *з*⁷*óрна* *вы́сушана*, *лэгин*⁷*ка*, *чэ́твэра* и т.д.

Как и в Подборовье, этимологическое /e/ здесь обычно сохраняет свой тембр: *ф* *пóлэ*⁷⁵, *посáде* *меня́*, *поёде* *то* *с*⁷*ёйе*, *знáите*, *атру́бе*, *ги́бне*, *нихтó* *ни* *подбóйде*, *вы́т*⁷*ане*, *нэгде*, *зувни́шче* и под. В наречиях /e/ отражено как /u/ (*пóс*⁷*ли*, *рáн*⁷*шы*). В отличие же от Подборовья, в данном говоре зафиксировано немало случаев яканья в данной позиции: *ф* *пóл*⁷*а* (несколько фиксаций), *уйдём* *нэ* *кабы́л*⁷*я* (городище, в данном случае – 'помрем'), *пэо* *калóс*⁷*ам*_{та}, *зувни́шча*, *зувни́шча*.

Гласные этого слога нередко модифицируются под влиянием последующих гласных, ср.: *надоёлд* *ф* *пóл*⁷*е*, *крес*⁷*тянскэе* *с*⁷*ем*⁷*йá*, *нашó* *óз*⁷*ера*, *роз*⁷*дёлэнд* *от* *тепёр*⁷, *пыл*⁷*та* *э́тлетáе*, *фс*⁷*е* *э́тлетáю*, *кидáйя* *э́т*⁷*к*, *дёлáне* *и* *йёдене* и...

Наконец, следует отметить, что в заударных слогах нередко утрачивается интервокальный йот и в результате слышится: (я) *млá*⁷*тиа*⁷ *была*, *сээли*, *поспé*⁷, *обдира́*⁷*м*, (мы) *дёлáм*, *убира́ем*, *лэгин*⁷*кае*, *слива́ем*, *процэ́жывам*. Утрата йота является спорадическим (факультативным) явлением.

Низовицы

В некогда большой деревне теперь проживает несколько человек старожилов, из них только А.Д. Павлова, 1910 г. рождения, малограмотная, может быть полноценным информатором. В двадцатых годах она несколько лет жила в семье дяди на Алтае, с 1930 г. проживает в деревне безвыездно. Отец ее местный, мать из д. Раскопель. А.Д. Павлова в Раскопели бывала не часто, но знает, что в /*Раскопéли* *розговóр* *другой* / у нас большы на цэ / там чэ / *пéчка* *звэарили* *так* / *цэловéк* *цугун* / а в *Раскопéли* *чэловéк*, *пéчка* /. Магнитофонные записи были сделаны летом 1993 года.

Гласные в первом предупредительном слоге

Для говора нашего информатора, и, нужно думать, д. Низовицы в целом, несомненно характерна полновская система безударного вокализма, поскольку здесь наблюдается:

абсолютно последовательное аканье-яканье перед последующими ударными гласными верхнего подъема, например: *гары́, вайны́, чаты́ри, тыдажди́, хадит́", пайд́у, я там радифшы, цадит́", касу́, касит́", в мачы́ла, дырвяню́шка, нъ рямы́, сяли́лися, зямли́, тры́пильм, ляжы́т, зьямс"т́итил́";*

абсолютно преобладает оканье перед последующими ударными гласными неверхнего подъема: *дорóги, хъ́рошó, хорошó, домóй, дъ́рòги, (они) молóту, пострóилис", отошóл, отéц, дово́л'ныи, полéшка, пойдéм, пойдé, процéдиш, срóботаит, молóжы, целнóк, котóру, торгóвый между озéр, болéю, сердéчка, вертéлся ж женóй, берé, течóт, жсерóбдьк, лепéшки;*

богáтых, пошла́, хозяй́ствэм, тогдá, бол'шáя, по зáръбъткам, бо́ялис", полáдит", потквáсиш, однáя, водá, сем'я́, женáтый, женá, вдевáли, прилетáла, меня́, убежáл, бедня́к.

В отличие от рассмотренных выше говоров, здесь имеются некоторые отступления от полновского принципа, состоящие в том, что:

в отдельных словах почти последовательно произносится предупредительное /u/ на месте этимологического /e/, например, *дырэ́вни* (много раз повторено, без исключений), *нидéлю, нивéстка, ф симна́цътэм, дивитсóт, сивóння, типéр', вирéвчкы, ты́биднэй / бедня́к*; но иканье вряд ли лексикализовано, поскольку встретилось *миня́ / меня́, цветé рош / (слива, яблоня) цветé(т), ньдáвна, ты́пэря, ни ткáла / не зня́ю*;

нередки случаи яканья перед последующим ударным /a/: *уяжджáли, прияжджáл, вялятáит, в двяна́цът"/двяна́цът", кастра́ вялятáит, тры́пильм тры́пáт", ты́ лясáм/в лесáх; ты́ляжáл; зафиксирован даже один случай иканья – д'итя́м;*

отмечено спорадическое аканье – на протяжении довольно длительного разговора информатор с аканьем произнесла всего три слова: *калхóзэм, калхóзы, аста́фшы.*

Спопадическое яканье сближает описываемый говор с говором д. Аксентьево [Строганова 1962, 107], которая находится в 15 км на юго-восток от Низовиц по прямой.

В начале слова /o/ реализуется двояко – либо как /y/ (*устáльс" там, убра́тна, ста́лин лéнина уммáнывъл*), либо, чаще, как /o/ (*((нитку) оддэ́рнут", по днóм, окóшка*).

В то же время *предударная гласные в описываемом говоре удлиняются не так заметно и выразительно, как в Чудской Руднице и Заборовье, и поэтому можно считать, что для него характерна именно олофония*. Это решение является предварительным и может быть уточнено после дополнительного акустического анализа.

Предударное гиперёканье отмечено в словах *йовó/евó, мёртвѣяцы, ёна́*.

В абсолютном начале слова /o/ сохраняется: *òтошóл ът стáръшѣвъ брáта, типѣр' однá я ес'т", жѣвы остáлися*.

Гласные во втором предударном слоге

В положении не перед последующим /o/ в этой позиции наблюдается ъ-кание и иканье, т.е. этимологические /a/ и /o/ реализуются как /ъ/, а этимологическое /e/ – как /ш/, например:

рѣз"д"али́лися, мѣлати́ли, мѣлати́т", гѣварѣли, пѣлукáю, хѣрошó гѣворѣ, пѣспрáхѣвай, пѣкаси́т", рѣс"ци́лаим, на той стѣранѣ, нѣп-ляту́т, в Рѣжестó, нѣрадѣ́лся, пѣворóт, хѣрани́ли, пѣ кустáм, нѣ хѣ'тура́х, зѣвоя́вѣвѣл, пѣсправнѣ́й, пѣсади́ли, нѣзывáли, кѣл двацáти, пѣл зими́;

дирявнѣюшка, ни сожжóбныи, пѣ диревѣн'с"ки, тиримѣрил, ни га-дáли, нидосóхшы, ни достáлс" К сожалению, в текстах не оказалось примеров с этимологическим /a/ после мягких согласных в этой позиции.

В слоге перед последующим предударным /o/ этимологическое /o/, являясь кратким (/б/), полностью или частично (/ъ°/) сохраняет свой тембр:

хѣ'рошó, хѣрошó, збóродáтил 'оброс бородой', пѣмогáл, рѣзго-вóр, пѣлотнó ткáли, мѣ'лодобѣй, нѣ'човáл.

В абсолютном начале слова /o/ либо сохраняется (напр., *òпо-я́хѣца*), либо, будучи прикрытым в синтагме предшествующим согласным, реализуется как /ъ/: *в ѣзира́х, с ѣрихоѣ́ц, пѣ войнáм ѣтходѣ́л.*

Гласные в связанных заударных слогах

Во всех заударных слогах, кроме конечного открытого, абсолютно преобладает ъ-кание и иканье (как и в первом предударном слоге не перед /o/, см. выше):

рабóтѣт" с му́жсѣм, жóлѣ'п, брига́дѣй, вѣсѣх, рѣдѣм, тряпи́лѣм, тудáкс", ѣтѣм кѣжѣм, ф кáждѣм; калхóзѣм;

стáним, мѣсик, мѣсиц, нѣмиц, будим, сѣкри́м 'сукрем, сруб';

*вѣшьфшы, нака́хъвл, к_ѳзгърѣди, розвѣзъвим, стѣрѣну, вѣдѣл-
бѣна, кѣвѣчка, пѣнѣжы, нѣчѣлки, слѣшьла, вѣгнѣли, вѣдѣтли,
дѣдѣлѣвѣт”, вѣртѣлѣся, кѣлѣсы;*

часѣвинка, ф часѣвинки, хѣзѣива, вѣдила, бѣжѣиниц.

В словах под эмфазой возможно а-канье, например, *зѣрѣбѣткам,
тѣспрѣхѣвай.*

Гласные в заударном свободном слоге

В данной позиции наблюдается аканье (*скѣл'ка, наз бѣла тѣря,
сердѣчка*); этимологическое /e/ обычно сохраняет тембр (*вѣсьхне,
донѣхѣва^ае, нѣ поле, бѣде тишина, на слѣшише*), изредка реализуется
как /u/ ((ткать) *ф чѣтѣри кѣнѣ*). В наречиях *дѣл'шы, бѣлѣжы* и под.
/ы/ морфологизировано.

В интонационно тесно слитых синтагмах конечное /a/ может
трактоваться как гласный 2-го предударного слога, ср.: *на мѣст'-
мѣлка, ѣтошѣл_ѣт стѣришѣв' бѣрата.*

В одном случае было четко произнесено *ѣдѣл'но.*

Заборовка

Д. Заборовка Первомайского с/с находится в 3 км западнее от пункта 97
ДАРЯ, о говоре которого известно, что он относится к числу “полновских”
В полукилометре от Заборовки расположены дд. Горско-Рогово и Зѣгорье.
В 1992 году в каждой из них проживало по два-три старожилы старшего
возраста. Мы записали образцы речи троих из них – Екатерины Д., 1926 г.,
родившейся и постоянно проживающей в Заборовке, окончившей 3 кл.
местной начальной школы; тети Евдокии, 1914 г. рождения, местной и
совсем неграмотной в д. Горско-Рогово, а также Е. Барановой, 1926 г. рож-
дения, также местной, окончившей 3 кл. У всех троих информаторов очень
хорошо сохранилась диалектная речь, и все они представляют один и тот
же говор. По этой причине в приводимых далее примерах информатор и
деревня в каждом отдельном случае не указывается.

Побережные деревни, говоры которых описывались ранее, находятся в
бирѣзѣ. Все информаторы подчеркивали, что их речь “очень плохая”, что
они “*плѣха рѣзѣовѣриваю*”, однако Е. Баранова отметила, что в *бирѣзѣ* гово-
рили еще хуже и “больше на /ш/”, а в данной местности – “больше на /ч/”

Гласные в первом предударном слоге

Для данного говора характерна исключительно выдержанная и
последовательная полновская система, о чем свидетельствует:

аканье-яканье перед последующими ударными гласными верх-
него подъема: *гѣвѣрили, ф канѣѣ вѣинѣ, свѣи, хѣдѣли, прѣитѣ, ка-*

сит", *карми́цца*, *мачы́ли*, *цади́лка*, *цади́ли*, *капу́сту*, *скати́ну*; *нъвря-ди́л*, *сястры́*, *ц"вятны́и*, *в лясу́*, *принясу́*, *цвятут*", *пякли́*, *нъ пяску́*, *вярну́лис*";

оканье перед остальными ударными:

хотели́, *поёдим*, *порезьл*, (они) *не стрóю*, *пешкóм*, *песóк*, *мешóк*, *не помню́*, (они) *бере́*, *берём*, *пекём*, *верех*, *лепёшка*, *ц"вётё*;

везде́, *песэ́чна* 'песчаная', *не леч* 'не лечь', *берешчъники* 'вид лаптей', *ремён'*, *детей́*, *к вес"не́*, *в гнез"де́*, *мед"вёт"*, *деревню́*;

потóм, *домóй*, *хорóший*, *здорóвый*, *робóты*, *с оцóм*, *с колхóза*, *потóм*, *побóл'шы*, *со мной*, *молóтим*, *понóжы*, *корóф*, *молóды*, *столóп*;

хозя́йф, *плоха́я*, *созна́лся*, *домá*, *кормá*, *копа́ла*, *пошла́*, *пойма́т"*, *коза́*,

мътеря́, *держáли*, *не знаю́*, *леска́*, (они) *летя́*, *в дедáх*, *земля́*, *це-ня́м*, *беспла́тна*, *птенца́*, *летáла*, *гнезда́*.

В неприкрытом начальном слоге выдерживается та же закономерность: *анучы́ – оста́лася*, *обра́тна*, *опя́т"*, *оде́жы*, *озёрка*, *очэ́шш*, *офс́яны кеш*, *опе́чък*, *онна́* и т.д.

Для говора характерна олофония, а также гиперфония. Это означает, что в рассматриваемой позиции предударные гласные заметно не сокращаются, а в интонационно сильных позициях они являются либо просто очень долгими, либо по длительности превосходят последующие ударные, например: *бол'97шá130я*, *о133на96*, *трё80на130ла*, *по100мо́128чу*, *на109мо́112чым*, *нъ50 кра115ю96*, *ма132чб́188ли*, *роз116мо́к96ну*, *со91ло́98хина*, *ле105жáт"* 67.

В более нейтральных или слабых интонационных позициях предударные и ударные как бы подравниваются по длительностям, причем предударные всегда полностью сохраняют свой тембр (являются на слух полными, "полновесными"), ср.: *пó54 по84л́ям85*, *сно75пкáм146*, *кол68хóз68* был, *ко79сóй98 ка92сит"* 67, *ка94сúли*, *сна78пýм*, *от79скó77чы*, *чó53ло77нóк93*, *сно65пóк76*, *ко46рóв78*, *пó52тóм69*. В любом случае, впечатление особой выделенности предударных сохраняется.

Сказанное относится и к предударному /a/ перед последующим ударным /a/; иными словами, редукции, сокращения предударного /a/ в данной позиции не происходит, оно реализуется либо как полное /a/, либо удлиняется, как и другие предударные:

тя100гá204ла, *тя105гá129ли*, *свя107дý101*, *гра104бл́ям117*, *тра107вá142*, *зда92вáт"* 99, *да110вá119ли*, *оф86сá97* да115вá163ли, *на85в́я́жэут*, *за89с-та́107ла*, *тра77вá113*, *а81ста́89лис"*, *тá50кá68"*, *за89ста́107ла*.

Ёканье отмечено в словах *ёво, трёпáли, трёпáла, чосáли, чосáлки, очосáт*”, *с”цёбáим, с”цёбáт*”, *квивёрá, хлэбáли, Ёуóрий* ‘праздник св. Георгия (Егория)’, *поёсá, пёклá, зёрно́*. Как видим, в говоре в целом оно является почти систематическим в позиции перед последующим твердым согласным, но не проведено полностью, поскольку отмечено *песóк, мешóк, трепáлы*. В то же время все перечисленные случаи ёканья отмечены только в идиолекте самого старшего информатора.

Отступления от полновогого вокализма в говоре буквально единичны, и они зафиксированы только в речи Е.Д.: *зъ дися́тку, тибé, типéр’*, *ни магу́* (но не *лэч*), *питнацът”* – *петнацътъва, ц”витё и ц”ветё, астáлис*”, *нармáл’на, не атпу́шчъна*. Вполне возможно, что эти отступления связаны с влиянием “городской речи”

Гипероканье встретилось в словах *оптёка, конáва*.

Гласные во втором предударном слоге

Перед всеми предударными гласными, кроме /o/, этимологические /o a/ в этой позиции редуцируются качественно и реализуются как /ь/, например,

перед предударными верхнего подъема: *ръску́áli, нъзыва́ица, гъсуда́рства, пъсидíte, пълъви́ки, събира́й, пълкывáла, пръгу́лям зъ дися́тку*;

перед предударным /e/: *мътеря́, пълтер’нэфшы́й, ръз”мешáиш, пълсерётки, скълтер’тя́, Ръжестó, пълд гнездóм*;

перед предударным /a/: *гъварíли, тълшна́вата, хърáни́ли машы́ны, нълврядíл, пълзванít”, дълбавля́ли, мълатíли, пълтстáлят”*, *прълцадíли, нълкасíл, пълдаю́, къллату́шку, рълзарíли, нъл пълска́*.

Следует особо подчеркнуть, что /ь/ является кратким звуком, и его качество легко маскируется последующими предударными, которые, как мы знаем, часто удлиняются. Без внимательного прослушивания и просмотраграмм очень легко приписать этим кратким /ь/ качество последующего гласного, что далеко не всегда соответствует объективной акустической характеристике звука.

Перед предударным /o/ этимологическое /o/ в данной позиции может редуцироваться, как и перед остальными предударными, и может частично или полностью сохранять свой тембр, например:

пълховáта, чълонóк, гълворя́, кълосóк, мълочкá, зълболéла, рълго-ва́риваю, чъловек/ цъловек, пълтноя́хъвэ́цца – но: *пълворóт, пълросёнчък, до колхозá, мъллокá, пъллотёнцы, пъллотёнцы*,

*пъ°дорбѣжник, рѣ°зошлѣся, мѣ°лодѣж·и, мѣлодѣж·и, пѣлосѣ, бѣронѣи,
пѣ°полям, мѣлокѣ, мѣлокѣ, зѣ°водбѣ.*

Последнее явление можно считать несомненно установленным по двум причинам: во-первых, обе реализации отмечены в речи каждого из информаторов и часто в одних и тех же словах; во-вторых, очень показательно, что с выразительным гипероканьем было произнесено слово *ф сѣногѣх*.

Только в нескольких случаях под эмфазой во втором предударном слоге прозвучали краткие гласные /ѣ/ и /а/ в соответствии с соответствующими этимологическими /о/ и /а/: *пѣжалѣли заростѣе, на краѣи*.

Этимологическое /е/ во втором предударном слоге последовательно реализуется как /и/ перед всеми предударными:

*зимлянѣишник, диревнѣ, диревѣн, билобѣка, пиряйдѣите, пиряйдѣу,
пиряишлѣ, пиряхадѣила, кливѣрѣ, ни проѣхѣт", ни прайтѣи, ни давѣли,
пирярѣф, бис твѣи.*

В неприкрытом начале слова, независимо от качества последующего гласного, /о/ либо сохраняет тембр (*очосѣт", отожмѣиш, отляжѣица*), либо редуцируется, прилегая к предшествующему согласному (*потѣм ѣтвѣдѣили нѣ лѣшадѣх, што софхѣз ѣдинѣкѣва*), либо звучит как краткое /у/ (*ѣбѣбрѣл, ѣбряжѣимся, ублокѣ, удинѣкѣва*).

Гласные в связанных заударных слогах

Только в единичных случаях, в синтагмах под эмфазой, этимологические гласные неверхнего подъема частично сохраняют качество в конечном заударном закрытом слоге и внутренних заударных, например, *сѣрак лет, за слѣнцѣм 'за Сланцами', кѣнѣм мѣлатѣили, пѣ пѣлю, пѣрѣт нѣвым гѣдѣм*. Обычно же в этих позициях этимологические /о а/ реализуются как /ѣ/, а /е/ – как /и/, т.е. так же, как и во втором предударном слоге:

*уѣхѣт", с ѣвѣнѣм, на ѣмѣх 'в Ямме', ѣхѣл, спѣртилѣс", рѣдѣм,
поддѣлѣн дѣрѣга, в дѣчникѣх кѣплин, сѣрѣк, в занѣзѣх, прѣвѣс 'цеп',
опѣчѣк, кѣрѣм, лѣтѣм та, колхѣзѣф, с"вѣзѣвѣт", нѣчѣли, сѣнѣм, зѣ-
мужѣм, хѣтѣр;*

*удинѣкѣва, котѣрѣва, нѣкѣму, робѣтѣла, вѣмѣкне, вѣсѣхне, кѣ-
лѣсы, пѣлѣчкѣи, прѣвѣза 'цеп', верѣвѣчка, кѣрѣчку, вѣтрѣшѣчки, кѣ-
вѣчка, вѣтѣкѣла, бѣз ѣстѣни 'без устали', накѣхѣвѣл, спрѣхѣвѣл,
хѣлѣнна;*

вѣмир, вѣмирли, ѣмир, ѣзира, бѣрик, поѣдим, с"ѣобѣим, кѣплин,

мэсиц, смэлиш, пэсин, на сэвир, вот и тэшым 'чешем'

Для иллюстрации заударного иканья особенно показательно сочетание Кузьмин день, которое тетя Евдокия произнесла как одно слово – Куз' *м́ин_дин'*.

Гласные в заударном конечном открытом (свободном) слоге

Как и в ранее рассмотренных говорах, для данной позиции характерно собственно аканье и сохранение этимологического /e/ в большинстве морфологических формантов:

то́л'ка, котóрьва, убра́тна, су́ха, хозяй́ства бы́ла, зéрнушка 'зернышко', пло́ха, каси́ли сэна, одде́л'на, на мэста, мно́га;

там по́ле, ля́ге, ня вы́ръсте, дэ́льйе, вы́сьхне, вы́мькне, нажнё́те, замéр'з'не, бу́де, с'вя́же.

В наречиях этимологическое /e/ отражено как /u/ после мягких и как /ы/ после твердых согласных, например, *пóс'ли́, вмéс'ци, побóл'шы, ра́н'шы.*

Подолешье и Островцы

Эти большие рыбацкие деревни находятся в 2 км друг от друга. Их жители считают, что, вообще, *в бирязу́ /в ка́жний дэрэвни свой язýк/*; особенности говора Островцев подолешцы демонстрируют фразой *Цо дэ́лале сэвóнни?!*, указывая таким образом на формы *цо* 'что' и *дэ́лале* 'делали' как на самые характерные признаки их говора. В Островцах подчеркивают, что старшие жители в их деревне "говорят плохо" и многие из них цокают. По наблюдением жительницы Островцев К.Л. (1945 г. рождения, образование среднее, работала местным библиотекарем), кроме указанных черт, между говорами обеих деревень "большой разницы нет"

Материалы, которыми мы располагаем, подтверждают последнее мнение. Все постоянные жители старшего возраста обеих деревень сохраняют основные особенности традиционной фонетики⁸.

Нашим основным информатором в д. Подолешье была тётя Нюша (А.К.), 1917 г. рождения, неграмотная и всю жизнь прожившая безвыездно в деревне. От двух еще более старших жителей деревни были сделаны небольшие контрольные записи. В Островцах мы зафиксировали речь четырех информаторов, каждому из которых было более 80 лет, и нескольких информаторов, которым в 1993 г. было около восьмидесяти.

Гласные в первом предударном слоге

Перед последующими гласными верхнего подъема носители обоих говоров акают и якают абсолютно без исключений, например: *цади́лка /кяди́лка, прькяди́, я ради́лас", падру́шки, снапки́ вади́ли*

‘возили’, карзины, жанилсе, даску, скажу, даду, мачыт”, с”пяку, зямялю, дялилсе, жанилсе, чатыри, хот” пляшы, ляти, тряпилам, снятки, нъ диявиу (Под.);

касу, кастры, канюшню, гарі, съпазі, кас”ціцы, скатины (дат.п.), з”вязду, зямялі, сястру, к яму, нъ бирязу, ъбнясу, вирясину, ц”мядицца ‘тлеет’, пирятычка (Ост.); большая часть слов, в том числе *цадилка / кядилка, кядит” / цадит”*, были записаны в обеих деревнях.

Перед последующим ударным /e/ в говорах этимологические /e o a/ последовательно различаются, т.е. в этой позиции сохраняется оканье:

деревня, отец, конец, провеим, скорей, подделна, человека, с”плетё, рос”целя, бревёшки, ремён’ (Под.);

сыновей, неделя, на себе, невестка, нъ”обёт, дешёвли, сем’йой, куды пошлэ, хотела, поехали, (стены) оклеина (Ост.).

В обоих говорах слово ‘теперь’ представлено вариантами *топёр’ / тупёр’*, иканье допускается в словах *диревня, нивёста, въскрисёнье* (причем варианты с /e/ преобладают в речи каждого из информаторов).

В принципе, оканье сохраняется и перед последующим ударным /o/, с тем отличием, что в этой позиции оно осложнено ёканьем перед последующим твердым согласным, которое в речи старшего поколения является очень последовательным. Таким образом, произносится:

хърошб, воз”мёш, помбч, серёп (и сёрип), сер’ном, саберё, к порбзу, овёс, бол’шой, воз”мёш, помбча, потбм, солбму, мълокб, скорей, колхозы, в острофцах (Под.);

огбн’, порбга, колёс, (они) помбчу, тенёты, (они) хорбня, пёрит войнбй, холбнна (погода), Ръжествб, роббтът”, нъберём, рос”цё, съберёцца, сем’йбй, ремнём, фперёт и т.д. (Ост.),

но:

дешбвы, зёрно, ведрб, ведбм насили, йогб, сёвбнни, трепат”, вдёват”, надёвали, пькрёпалса ‘полез, покарабкался на дерево’, ришотб (Под.);

с”тёкло, съ з”вёздбй, вдёват”, фсёвб, зёрно, ведрб, чосали, трепали, но дешёвли, ришето наряду с ришотб, кълёсб, вецёрб, пёридёвалис” (Ост.).

В обоих говорах этому правилу не подчиняется частица *не*, ср. *не помню, немношка*; /e/ сохраняется также в словах *снетбк (снеткбф, но снятки), дефчбнки, сметана, фсегдб* и в нек. других.

В позиции перед последующим ударным /a/ в говоре наблюдается совершенно последовательное оканье по полновскому принципу, например:

оцá, однáя, пошлá, полáнку, ф стоянки постáвим, снопáм, погрáхла 'обрушилась', лопáта, боуáтый, хозýства, продáргивью, до-на́хъвьй (Под.);

огрáда, оннá 'одна', нъмотáю, ф поршнáх (ходили), пò домáм, пъ хозýйству, поднáльс" (бура), тогдá, дона́хъвали, парусóк постáвля и т.д. (Ост.).

Отступления от аканья в этой позиции характерно для новых слов, например, *матóр, канвáинаф 'комбайнов', (иногда) калхóз, и, видимо, в глаголах многократного действия типа зарábатьвьли, лён остáляйца (на поле), угавáривал.*

В позиции перед ударным /e/ ситуация более сложная. Прежде всего, в речи буквально каждого информатора встретились слова, в которых было произнесено этимологическое /e/, причем в слове *меня́* /e/ преобладает; кроме того, отмечено *сер'пáм, сем'ий, не нáда, ребя́ты, двенáцът", фсегдá, сестра, с"метáна. (Ост.).* Слово 'сестра' в обоих говорах имеет вариант *сёстрá*, и в обоих говорах произносится только *йонá*, в Ост. отмечено *мётáт"* Как и оканье перед /á/, это также отражает полновский принцип вокализма.

Однако в абсолютном большинстве случаев этимологическое /e/ перед последующим /á/ реализуется как /'a/, т.е. в данной позиции наблюдается яканье:

сямнáц"тъва (года рождения), двенáцът", рямнáм, (зерна) ляцá, пиряпря́с", плямня́цы, ня пря́ли, нядáвна, дяржáла, ня тáк, ня знáю, диявья́ныи жóрни, с"вяр'хá, нъ пиряхвáтку 'на перекуску', пиря-пря́с", мяшкá, нядáвна (Под.);

сям'йá (как и в сям'ий), двенáцътъва, ръзряшáли, ръзрязáю, ът-мячáю (как и събярúца, но съберё́цца), нягрáмътна, (я, они) мя-шáю, мяшáт", я дясáтъва, сяр'пáм жали, в мянá тётка, с"пяр'вá, дяржáли хозýйства, диявья́ный, диявья́на пáлка, с"тяклáный, сяс-трá, сняткá (как и снятки), кисля́ (как и вязáли, рядáм и под.), мянáю, пяскá, зъпряшишáт", ня ътвячáю, (Ост.).

Многие из перечисленных слов в записях встретились многократно. Частица *не* ведет себя непоследовательно, при обычных *ня знáю, ня ткáли, ня стáли* отмечено и *не кажённый, не мнáли*; приговорку 'такие дела' информатор В.Ж. (Ост.) произносит и *такí делá, и такí дялá*. В ряде случаев даже трудно сказать, какой звук –

/а/ или /е/ – информатор произнес, и в таких случаях мы транскрибировали *н'е кáжсьнний, м'еня́, д'ержáли, н'е знáю*.

Как видим, в рассматриваемом говоре сложилась особая разновидность предударного вокализма, в котором перед ударным /а/ сочетаются *полновское оканье в узком смысле* (т.е. сохраняется этимологическое /о/) и *яканье как в гдовском вокализме*. Иначе говоря, здесь сосуществуют формы типа *водá* и *зямлjá*, тогда как при полновском вокализме они реализуются как *водá* и *землjá*, а при гдовском – *вадá* и *зямлjá*.

В тех случаях, когда аканье в предударном слоге обусловлено наличием ударного /а/ в последующем слоге, в русской диалектологической традиции говорится об ассимилятивном принципе аканья, или об *ассимилятивном аканье*, см., например, [Русская диалектология 1965, 40–41]. Следуя этой традиции, можно утверждать, что в рассматриваемом говоре полновский вокализм осложнен *ассимилятивным яканьем*:

С⁽¹⁾аСí, у́ ú; С⁽¹⁾е,оСé, ó; Со,аСá / С'аСá.

В принципе не исключено также, что в данном говоре представлен один из этапов разрушения гдовского вокализма на пути превращения его в полновскую систему; эта проблема более подробно будет рассмотрена в заключительной части статьи.

Олофония в обоих говорах выражена очень ярко, в речи всех информаторов часты случаи гиперфонии, ср., например, следующие реализации: *ца́₁₁₉дú₇₉лка, рá₁₃₈дú_{млс}"*, *рá₁₂₄дú_{тёли}, п'о́кá₁₅₅жý₆₃, со₉₈лб₁₀₇м'й, х'ро₁₀₄шб₁₂₄, х'ро₇₉шб₈₅, збдло₁₀₄вá₉₃лзся, по₉₅шлá₈₃, по₁₁₂шлá₁₂₃, ни по₉₁шлá₁₁₉, д'ере₁₁₈вén₁₀₉скае* (Под.). Особо обращаем внимание на то, что предударное /а/ любого происхождения (< /о а/ и /е/ после мягких) также является сильным, удлинненным в данной позиции, например, *ся₈₇мнá₉₄ц'тава, уга₁₀₄-вá₁₀₈рив'ъл, вя₁₃₃зá₁₂₆ли, да₁₀₅вá₁₁₇ли, ста₈₈рá₁₁₇лис"*, *навяз'на, мя₁₂₁-шкá₁₀₉, ря₁₁₇мнjá₁₂₀, лаша₁₀₁д'ям₉₇, нá л'ша₁₂₀д'я₁₅₉, бпста₁₀₇влjá_{мю}, за₉₇пáс₁₂₄, за₉₇пáс₁₀₃, за₈₇пáс₁₁₀* и т.д. (Под.).

Общее правило, согласно которому степень выразительности олофонии и гиперфонии зависит от степени интонационной выделенности слова, верно и для рассматриваемых говоров. На пленку оказались записанными несколько высказываний, предназначенных не для нас, а для соседей. В.Ж. (Ост.), например, кричит соседке */зáйди, зáйди/*. Такой перенос ударения, видимо, является крайним случаем гиперфонии. В интонационно слабых позициях преду-

дарные и ударные как бы подравниваются по длительности, и произношение становится как бы послоговым скандированием.

В речи информаторов из обоих деревень отмечено также немало случаев олофонии предупредарных верхнего подъема, особенно /у/ (например, *вру₁₂₀шину_{195Ю}*), однако их удлинённость не так заметна на слух и не “бросается в уши”, как олофония и гиперфония предупредарных /е, о, а/.

В качестве предварительной гипотезы можно отметить, что довольно последовательное перенесение ударения на приставку в сочетаниях с односложными глаголами типа *сойму* ‘снимут’ (хотя *соймём*), *навиу* ‘навьют’, *убиу* ‘убьют’, *зажгу* ‘зажгут’ также могут быть связаны с гиперфонией (к сожалению, во время магнитофонных записей материал на эту тему не собирался систематически и в настоящее время трудно сказать, насколько этот перенос характерен именно полновским говорам, ср. [Касаткина 1997]).

Гласные во втором предупредарном слоге

Этимологические гласные /о, а/ в данной позиции могут быть представлены кратким звуком типа /ъ/, а этимологический /е/ – гласным /у/, например:

хъ₄₆рошó, хъ₃₀рошó, лъ₄₈шадя́м, къ₂₇нетéли, нъ₄₀зыва́ли, нъ₃₀ дру-го́м, нъ₅₉рубéи, съ₃₃гласи́мся, нъкрéпъльсь, хъ_{59т}”_пляшы́, нъд₄₅ни-ма́им, зъ₄₈жыма́им, ни_пошла́, ни₅₅_помóк, тиревóде (он) пере-возит’, *витёрóк, синоко́с, з” диревéн, нивада́* (Под.), *с мътир’яйáльм трúnна, съпаги́, зъ₆₀ляни́иша, нъ дерéвни ни хадíли, зъварíли, зъ₆₂-варíт”, зъругáлис”е, зънимáлис”а, вирыси́ну, нъ бирязу́* и т.д. (Ост.). Как показывают абсолютные длительности /ъ/, этот звук действительно является очень краткими, т.е. редуцированным в прямом смысле этого слова; отмечены, однако, случаи, когда он сохраняют ъ-окраску даже будучи гораздо более длительными, например, *къ₄₉лъ₇₉з”ни́, ки₉₄, нъ₄₁лъ₈₀вики́* (Под.). Гласный /у/ (< /е/) имеет четкое и-качество.

Однако более часто в этой позиции гласные на месте этимологических /о а/ на слух кажутся качественно окрашенными и, как показывают предварительные данные, причиной этому могут быть два обстоятельства.

Первое, под эмфазой, и вообще, в интонационно сильных позициях гласные в этом слоге могут иметь о-, а-окраску согласно этимологическим /о, а/, ср.: *нъ^о₅₈кажэ́, нъ^а₄₂крьва́иш, на₅₇примéр, на₅₉зыва́ли, бпставя́ю* (Под.). На возможность сохранения этимоло-

логического качества гласных в данной позиции косвенно указывают случаи произношения типа *дѡбывáли*, *вѣтѣрѡк*, *бѡгѡрѡдицкѹ* (траву) под эмфазой, гипернормативное /e/ в слове *сарцѣравáли*, однако этот вопрос требует дальнейшей разработки.

Второе, наиболее вероятной причиной восприятия – подчеркиваем, именно восприятия – редуцированного гласного (на месте этимологических /o a/) как качественно окрашенного является олофония (гиперфония) первого предударного слога. Думать так позволяет следующее: если второй предударный слог вырезать отдельно, то в нем обычно слышится редуцированный типа /ъ/; однако уже в отрезке “второй предударный слог + первый предударный слог” этот же редуцированный воспринимается как частично сохраняющий тембровую окраску, причем качество ее зависит от качества гласного а предударном слоге. Например, на слух транскрибируем /зъ^аварíл/; длительности гласных в слове таковы: зъ^а₅₁ва₁₃₇рил₆₉ (Под.). Слог, который на слух звучит как /зъ^а/, вырезанный из контекста звучит как /зъ/, и это вполне понятно, поскольку он очень краткий. Однако уже в составе отрезка /зъва/ звук /ъ/ воспринимается как имеющий, хотя и не очень выразительную, но все же заметную тембровую окраску. Было проделано несколько десятков аналогичных экспериментов, и они позволяют предположить, что рассматриваемый эффект обусловлен тем, что последующий долгий гласный в предударном слоге маскирует подлинное качество /ъ/ второго предударного слога – как бы “забывает” его звучание и “навязывает” ему свое качество. По этой причине второй предударный очень часто воспринимается как в той или иной степени окрашенный темброво, и этот тембр, как правило, зависит от качества последующего предударного, например: *станавíлся*, *мъ^а₃₅латíли*, *мъ^а₄₃латíт*”, *ма^а₄₁латíлак*, *ма^а₄₄ма-тíлгък*, *ма^а₇₁латíт*”, *ла^а₆₁шадíям*, *рѣ^а₅₃сказáт*”, *разряzáю* – но *нѣ^а₄₆лучáицѹца*, *хѣ^а₄₆рошѡб*, *чѣ^а₄₁ловѣк*, *нѣ^а₄₈гонíе*, *зѣ^а₅₁вѡрѹя*, *чѣ^а₅₃ловѣк*, *нѣ^а₄₂лотѣнцѹ*, *три чѣ^а₄₁ловка*, *нѣ^а₄₈гонíе* (Под.).

Однако это правило не абсолютное, оно более последовательно выдерживается перед предударным /o/, в то время как перед предударным /a/ (и перед другими гласными) нередко слышится просто /ъ/, ср.: *мѣлатíлкъм мѣлатíли*, даже *мѣ^алатíлка*, *нѣ^а₅₄садíт*”, *нѣ-грубѣи*, *нѣ^асýлáй*, *хѣ^арошѡб*. Однако на значимость его указывают:

а) случаи произнесения гласных определенного тембра под эмфазой типа *зѣ^а₆₄ра₁₀₃бá₁₁₂тѣвѣли*, *ста^а₆₈на₉₉вѣ^алися*, *збо^а₆₈ло₁₀₄ва₉₃лася*;

б) случаи типа *нѣ³⁹ руках*, когда второй предударный имеет явную у-окраску, обусловленную качеством последующего /у/.

На неустоявшуюся систему реализации гласных в рассматриваемой позиции указывает и непоследовательная реализация этимологического /о/ в неприкрытом слоге; в речи одного и того же человека зафиксировано, например, *абивáли рош_та, оставля́иши, бпсталя́ю, одга́ражывѣли, а,дбивáли с"е, лён_ьстали́ца, там адбивáли с"е* (Под.). В Островцах, наряду с аналогичной реализацией (*ня ѣтвяча́ю, бгорб́жна*), зафиксированы также случаи уканья в этой позиции: *в'горбди, угурцѣ, ѣ'горбт, как ѣ'пхб́дя* 'обходят'

Таким образом, в говоре Подолешья и Островцев во втором предударном слоге

а) на месте этимологических /о а/ может выступать краткий редуцированный /ѣ/, а на месте этимологического /е/ – краткий гласный вполне определенного качества /и/;

б) редуцированный /ѣ/ может восприниматься как в той или иной степени качественно окрашенный звук (типа /ѣ^о/, /а/, /ѣ^у/, /ѣ/) в зависимости от качества последующего предударного, причем перед предударным /о/ это явление наблюдается более последовательно, чем перед остальными предударными (/а/ и /у/); гласные /и/, /ы/ в этом отношении являются нейтральными;

в) наконец, под эмфазой в этой позиции могут появиться определенные в тембровом отношении гласные либо в соответствии с их этимологией (редко), либо согласно их позиционной характеристике (согласно пункту б)).

Представленные материалы и наблюдения, как нам кажется, важны для понимания причин непоследовательности в полевых записях диалектологов, которые потом дают основание неконкретно говорить о "сосуществовании различения и неразличения гласных" [Образование 1970, 427] во втором предударном слоге в гдовских говорах, к чему мы вернемся в общем обсуждении фактических данных.

Гласные в заударных связанных слогах

Сопоставление данных обоих говоров показывает, что правила реализации гласных в заударном закрытом конечном и заударных неконечных слогах в них одинаковые (и довольно сложные) и по этой причине мы ограничимся в основном примерами из говора Подолешья. В общем, эти правила можно сформулировать следующим образом.

В заударном конечном закрытом слоге на месте этимологических гласных неверхнего подъема при нейтральной интонации выступают /ъ/ и /ш/ – как и в первом предударном слоге, например:

дуръс°, с *надру́шкѣм*, *два́цѣт*°, *этѣт*, *солóмѣй*⁷⁰, *мѣлати́лькѣ*⁸¹, *прива*⁷⁶*дѣм*⁵⁸, *лóшѣт*°, *привѣд*⁶⁴ был, *дѣльгѣс*°, *грóхѣт*, *учáсткѣм*³⁰, *тряпíльѣм*, с *прѣяльѣм*;

на *вѣтир*, *дѣсит*°, *стáним*, *провѣим* (Под.), *мѣсиц*, *úмир* (Ост.).

На месте /ъ/ нередок а-образный звук: *привѣ*⁰*т*, *пáлкѣ*⁵⁹*м*, *учáстак*⁵², *уз*⁰*браз* был 'озерцо было', *сóтак*⁵⁸. Этимологическое /е/ в ряде реализаций сохраняется, например, *úмѣр*, *вѣтѣр* *дѣнѣк* – но *мѣс*⁰*ац*. О том, что для носителей говора это может быть именно /е/, свидетельствует спорадическое яканье под эмфазой, например: *вѣт*⁰*ѣр* (Под.), особенно *вѣря*¹¹³*жѣши*, для *óз*⁰*ѣра*, *кисля* (Ост.). В нескольких случаях отмечено даже заударное ёканье: *вѣт*⁰*ѣр* (Под.), *úмѣр*, *сúкрѣм* (Ост.), при *сúкрѣм*, *сúкрим* (Под.).

Во внутренних заударных слогах приблизительно та же картина, причем степень длительности гласных здесь очень варьирует, ср.:

учѣлься, *привя́зъ*³⁸*на*, *я́зъ*⁴³*ды*, в *я́зъ*⁰*ды*, *аткúдъ*⁵⁹*ва*, *пѣ*⁰*лучáль*⁶⁸*ся*, *поддѣль*⁶⁸*на*, *рѣза*⁶⁴*ли*, *вѣцѣя*⁶¹*гай*⁹³, *цóкъли*, *дѣль*⁷²*ли*, *дѣргѣли*, *глúпѣс*⁰*ти*, *дѣлалъся*, с "этачка, *придána*⁷¹*ва*, с *надру́шками*, я *остáлася*, *гúмнѣ*⁰ в 'яа / *гúмнѣ* в 'яе, *кýль*⁵⁹*са*, *кóна*^{64,61,58}*ли*, *кýла*⁶⁵*су*, *вѣсáхне*, *навя́зъ*⁰*на*, *свѣязъ*⁰*вли*.

Как и в предыдущей позиции, тембр /е/ может частично или полностью сохраняться:

úмѣрли, *учѣтьльѣм*, *вѣдѣ*⁷⁷*ли*, *вѣ*²⁶⁸*ве*¹⁰⁴*ду*¹⁴⁵, *вѣтрѣтѣт*°, в *óзѣра*, и в *óзѣрѣ*, в *уз*⁰*рки* *мачѣли*, по *óчѣрѣди* (Под.), в *мáс*⁰*леницу*, *мѣлѣш*, *мѣлѣн* (Ост.).

Обращает на себя внимание то, что в словах, которым предшествует ударный предлог, качество последующих заударных обычно сохраняется, ср.: *пá_пóле*, *пá_ветер*⁶², *пá_бѣрѣк*; по такому же правилу было реализовано и слово *дóс*⁰*вѣта*.

Заударный свободный слог

В этой позиции правила реализации гласных неверхнего подъема ясные и простые, как и в описанных выше говорах: здесь наблюдается последовательное аканье при сохранении /е/ (эфония), например:

óзира, в *óзѣра*, н'ε *нáда*, *нѣба* / *нѣба*, как *пóпáла*;
бúде, *пакíс*⁰*не*, *рыба* *захóде*, *посóхне*.

Наглядно факт сохранения /e/ демонстрируют пары типа *вóде* – *вóдя* ‘он возит – они возят’, *нóсе* – *нóся* ‘он носит – они носят’

В наречиях этимологическое /e/ отражено как /u/ (/ы/ после твердых согласных), например, *ра́н’шы*, *то́н’шы*, *бы́ла дешéвлы*.

Кобылье Городище

Эта побережная деревня расположена недалеко от места Ледового побоища 1242 года на территории бывшей крепости, сожженной, видимо, шведами в начале 18-го века. В 1993 г. мы сделали в деревне часовую запись речи трех информаторов – Петра Васильевича (1920 г. рожд., неграмотного), М.И. Иванова (1926 г. рожд., окончил 3 кл.), и Е.В. Костиной (1928 г. рожд.; окончила 5 классов местной школы). Все трое – потомственные коренные жители, прожившие жизнь в деревне безвыездно. Самому старшему жителю этой очень небольшой теперь деревеньки было тогда 79 лет, но с ним поговорить не удалось.

Уже в самом начале беседы М.И. Иванов объяснил, что в Самолве, находящейся в 5 км от них, говорят больше на “o” *лoпáтa*, *кoнáвa*, а в их деревне больше на “a”, например *лaпáтa*, *кaнáвa* (поскольку *гъварíли штъ в нас какóй та умный с’вяшчéник он нъучыл бол’шы в дeрeвни гъварíт* на a). Так как вокализм д. Самолва Т.Г. Строганова классифицировала как полновский, то уже по одному примеру М.И. Иванова было видно, что в Кобыльем Городище вокализм, скорее всего, гдовский. Это предположение подкрепляли, например, такие обратившие на себя после-довательности слов как *яхнóвы хотéли колóдьц копáт* / *дли вадý* /, в которых выделенные позиции наглядно демонстрировали принципы именно гдовского вокализма. Как показал домашний анализ, идиолекты всех трех наших информаторов идентичны, однако тип вокализма в говоре оказался иным, чем это виделось во время записи.

Вокализм первого предупредного слога

В позиции после твердых согласных для говора действительно характерно очень последовательное аканье по принципу гдовского вокализма, т.е. здесь наблюдается – без отступлений – аканье в слогах перед последующими ударными /u, ы, y/ и /a/, при оканье перед последующими ударными /e, o/, например:

(аканье) *радýлса*, *с радýтилъм*, *слажýлс*”, *кравý*, *рас’цýли*, *мълатýлка*, *анý*, *каптýли*, *хадýла*, *наспрáшьвай*, *наспрáхъвай*, *две капýс’цины*, *пън-расýт*”, *жанý*, *растýт*, *пáйт*”, *такýла*, *тачýла*, *чатýри*, *в рязýнъвых съпогáх* и т.д.;

астáлса, *пастáршы*, *свая*, *нъ лошадьх*, *вайна*, *пъсаблýй*, *хазýства*, *капáт*”, наряду с оканьем:

две корóвы, *оцц’óльк*, *потóм*, *колхóз был*, *бол’шóва*, *робóтит*”, *дровéн нeту*, *пойдeт*, *зобóтицца*, *домóй*, *соснóвыи*, *топóр*;

чълóвѣк, чълóвѣка, отѣц, смóтрѣла, конѣшна, штаны повѣхъны, колѣна, поблѣкшы и т.д.

Многие из приведенных слов были произнесены либо всеми информаторами, либо повторены по много раз, так что в стабильности гдовского аканья в данном говоре сомневаться не приходится.

В предупредном слоге после мягких согласных аканье-яканье и оканье в данном говоре соотносятся, однако, по полновскому принципу, т.е. совершенно последовательное яканье здесь наблюдается только перед гласными верхнего подъема, например:

зямлѣ, зямлю́, сястрѣ, сястрѹ́, бяри́ти, привя́ду, привя́ли, бяру́цца, пѣдняс"лѣ, сляди́ла, сярнѣ тачы́ли, спрѣвядли́вѣс"т"

Перед последующими ударными /e, o/, а также /a/, этимологическое /e/ сохраняется:

телѣга, телѣшку, дере́вня, неде́лю, тепѣ́р', кълесó, семсóт, дешóвыи, берѣзъвы, рош ц"ветѣ, на себѣ, тебѣ́ (но ячмѣ́н);

сестра́, умерла́, сперва́, дѣревя́нъми, меня́т", вредá не з"дѣлѣли, пѣ гекта́ру зямлѣ́, пá на́шым земля́м, крес"т"иáнства, ребя́тки, не ста́ли, пиреда́йти, мѣс"терá, рѣзбежа́лис", жырепкá.

Важно, что одни и те же слова, в которых предупредные слоги находились перед различными ударными, встретились в одних и тех же контекстах, ср. /вод говоря́ земля́ земля́ /зямлѣ́ то́жа... /зямлю́ ни набо́рмиш /земля́ не_да́ст ничо́во /.

В единичных случаях отмечено, видимо, лексикализованное иканье (*миня́, прикра́сна, тибѣ́*); в речи самого старшего информатора встретилось *принисла́, зимля́*. Отсутствие яканья в слоге перед ударным /a/ подтверждают и примеры типа *цепя́ми, жена́* (как *ж жена́и*, но *жаны́*) и ёканье в слове *наде́ва́т"* Показательны в этом смысле и случаи гиперъеканья в словах *с"вешч_ѣник* (при *с"вешч_ѣник*), *два йедра в йовó найдѣ́на, плеса́ли*.

Таким образом, можно считать, что в рассматриваемом говоре сочетаются полновское яканье и ассимилятивное аканье по модели:

полновское яканье

C'aCí, ý, ú

C'e, oCé, ó

C'eCá / + ассимилятивное аканье CaCá.

Система аканья CaCí, ý, ú; CoCé, ó; CaCá сама по себе является гдовской по структуре, поскольку для гдовской системы вокализма, как помним, в предупредном слоге перед последующим ударным /á/ характерно аканье-яканье (чем она и отличается от полновской, см. первую часть нашей работы). С генетической точки зрения гдовское

телéга, телéшку, деревня, неделю, тепér', кълесó, семсóт, дешóвыи, берéзъвы, рош ц'ветé, на себе, тебе (но ячмён');

сестра, умерла, сперва, дьревяньми, менят", вредá не з"дэльли, пь гектáру зямлi, пá нáшым землjáм, крес"т"йáнства, ребятки, не стáли, пиредáйти, мьс"терá, рьзбежáлис", жырепкá.

Важно, что одни и те же слова, в которых предупредные слоги находились перед различными ударными, встретились в одних и тех же контекстах, ср. /вод говоря́ земля́ земля́ /зямлi тóжжа... / зямлiю ни накрóмиш / земля́ не_ дáст ничовó /.

В единичных случаях отмечено, видимо, лексикализованное иканье (*миня́, прикрáсна, тибé*); в речи самого старшего информатора встретилось *принислá, зимля́*. Отсутствие яканья в слоге перед ударным /а/ подтверждают и примеры типа *цепя́ми, женá* (как *ж женой*, но *жаны́*) и ёканье в слове *надёва́т"* Показательны в этом смысле и случаи гиперъеканья в словах *с"вещ·эник* (при *с"вещ·эник*), *два йедра в йовó найдёна, плесáли*.

Таким образом, можно считать, что в рассматриваемом говоре сочетаются полновское яканье и ассимилятивное аканье по модели:

полновское яканье

С'аСi, ý, ú

С'е, оСé, ó

С'еСá / + ассимилятивное аканье СаСá.

Система аканья СаСi, ý, ú; СоСé, ó; СаСá сама по себе является гдовской по структуре, поскольку для гдовской системы вокализма, как помним, в предупредном слоге перед последующим ударным /á/ характерно аканье-яканье (чем она и отличается от полновской, см. первую часть нашей работы). С генетической точки зрения гдовское аканье в системе предупредного вокализма говора д. Кобылье Городище можно толковать либо как этап перехода от полновской системы к гдовской, либо же как реликт гдовской системы в новообразовавшейся полновской; эта проблема обсуждается в заключительной части доклада.

Обращает на себя внимание то, что для речи всех наших информаторов нехарактерна гиперфония. В то же время предупредные слоги не редуцируются, гласные неверхнего подъема звучат в них четко и выразительно, что позволяет говорить именно об олофонии как об отличительном признаке говора. Темп речи информаторов является более быстрым в сравнении с темпом в других побережных говорах: и пока непонятно, объясняется ли это относительно молодым их

Гласные в заударных связанных слогах

Как и во 2-ом предупредном слоге, здесь абсолютно преобладают /ь/ и наблюдается последовательное /у/ на месте этимологического /e/:

слажы́льс”, *палучы́льс*”, *лошэ́т*”, *оц”ц”блэк*, *наспра́шэвэй*, *наспра́-хэвэй*, *со́рэк*, *крэ́тэс”т*” и т.д. без видимых исключений;

с са́мэва, *не з”дэ́льли*, *робо́тэли*, *в го́рэди*, *рускэ́му*, *вы́кэ́тли*, *го́львы* и т.д.;

коло́диц, *мэ́сиц*, *мэ́сик*, *ку́плина*, *радй́тили*, *бэ́зира*, *вы́тинул*.

В неконечном заударном открытом слоге в интонационно выделенных словах вместо обычного /ь/ может произноситься краткий /а/, например: *по́ласэм*, *до́рага*, *з”дэ́лана*, что согласуется с данными других побережных говоров.

Гласные в заударном свободном слоге

Как и в рассмотренных выше говорах, для этой позиции характерно последовательное аканье при сохранении этимологического /e/: *у на́з бы́ла* (две коро́вы), *до́рага*, *мно́га* и под.;

ржа́но^ае по́ле, (карманы) *набыва́е*, *кабы́л’е*, *за́муши́е* (названия деревень), *ня бу́де* и т.д.

*Полновская система вокализма в говорах к востоку от Гдовщины**Данные Диалектологического атласа русского языка*

При подготовке карт фонетического тома ДАРЯ [1986] дообследования говоров Гдовщины, насколько мне известно, специально не проводилось. Это означает, что на соответствующих картах тома были нанесены данные работ, рассмотренных нами выше. К сожалению, сведения ДАРЯ не только не уточнили каких-либо аспектов полновского вокализма, но и затемнили всю его проблематику в целом. Рассмотрим основные факты, которые позволяют сделать это заключение.

Прежде всего, в соответствии с планом и идеологией ДАРЯ, гдовский и полновский системы не картографировались как целостное явление. На карте 1 [ДАРЯ 1986], несколько увеличенная копия с которой представлена на рис. 8 нашей работы, “полновское и гдовское оканье”, как сказано в ее легенде, картографировались как одно явление вместе с “другими системами вокализма”, особенности которых не оговорены в Комментариях к тому⁹ На карте 6 ДАРЯ, посвященной лингвогеографии типов яканья, был выделен ареал

например: *пóласъм, дóрага, з''дéлана*, что согласуется с данными других побережных говоров.

Гласные в заударном свободном слоге

Как и в рассмотренных выше говорах, для этой позиции характерно последовательное аканье при сохранении этимологического /e/: у наз *бýла* (две коробы), *дóрага, мнóга* и под.;

ржанó"е пóле, (карманы) *набивáе, кабы́"е, зáмушйе* (названия деревьев), *ня бóде* и т.д.

Полновская система вокализма в говорах к востоку от Гдовщины

Данные Диалектологического атласа русского языка

При подготовке карт фонетического тома ДАРЯ [1986] дообследования говоров Гдовщины, насколько мне известно, специально не проводилось. Это означает, что на соответствующих картах тома были нанесены данные работ, рассмотренных нами выше. К сожалению, сведения ДАРЯ не только не уточнили каких-либо аспектов полновского вокализма, но и затемнили всю его проблематику в целом. Рассмотрим основные факты, которые позволяют сделать это заключение.

Прежде всего, в соответствии с планом и идеологией ДАРЯ, гдовский и полновский системы не картографировались как целостное явление. На карте 1 [ДАРЯ 1986], несколько увеличенная копия с которой представлена на рис. 8 нашей работы, "полновское и гдовское оканье", как сказано в ее легенде, картографировались как одно явление вместе с "другими системами вокализма", особенности которых не оговорены в Комментариях к тому⁹ На карте 6 ДАРЯ, посвященной лингвогеографии типов яканья, был выделен ареал "яканья гдовского типа", тогда как "полновское яканье" в явном виде не названо, а возможный ареал его обозначен как "полное или частичное различие /o, e, a/ только перед *б, ё, реже а*", см. рис. 8 нашей работы. Фактически это означает отрицание самого факта существования полновского вокализма как системы, в которой, как мы видели, /o, e, a/ последовательно различаются. Если же слово "реже" означает "в некоторых говорах", то тогда оно указывает на то, что данные говоров с полновской и гдовской системами вокализма опять же рассматривались совместно. Самое интересное, что ареал "полного или частичного различия /o, e, a/..." на карте 1 ДАРЯ не достигает побережья Чудского озера, хотя в работах

[Строганова 1962] упоминаются прибрежная деревня Самолва, а в [Образование 1970] имеется ссылка на данные из пункта 81 – д. Подборовье – как на говоры полновского типа¹⁰.

На карте 6 ДАРЯ наблюдается еще ряд странностей. Судя по конфигурации ареала “полного или частичного различия /о, е, а/...”, он не захватывает территории, где находится д. Узьмино Струго-Красненского района, полновский вокализм говора которого описан в работе [Строганова 1962]. Далее, северо-западная окраина этого ареала включает пункты 93, 110, 118 и 119, о которых ничего не сказано при описании полновского вокализма в [Образование 1970, 423], который, кстати, упоминается при этом как зафиксированный только в четырех пунктах ДАРЯ – 81, 82, 94, 97 (все на территории Гдовского района). *Как видим, распространение полновского вокализма как системы, включающей особенности реализации всех предударных гласных (в слогах после твердых и мягких согласных), остается далеко неясным, и поэтому имеет смысл привести некоторые сведения, позволяющие несколько прояснить эту проблему.*

О предударном вокализме говора д. Которск

По наблюдениям З.В. Жуковской, “безударный вокализм д. Пл. Которск (ныне просто Которск Плюсского с/с. – В.Ч.) можно определить как полновский (*насил, карзинка, прайти, вывазили, гары, пьталку; порядок, собаки, пока потом, полый...; отец, поем, колени*), но уже частично осложненный ассимилятивностью: *паляна, гараст, раса, сабака*. Звук *а* вместо *о* перед ударенным *а* встречается значительно реже, чем *о*, так что можно говорить лишь о начальной стадии разрушения полновского вокализма” [1968, 6].

Эти сведения очень интересны, поскольку Которск находится вне ареала “частичного или полного различия /о, е а/...” карты 6 ДАРЯ, изоглосса которого в определенной степени отражает границы распространения полновской системы. На карте 1 ДАРЯ ближайший к Которску говор д. Заполье Плюсского района (пункт 124 ДАРЯ) охарактеризован как окающий со спорадическим аканьем.

В 1992 году нами была сделана 45-минутная магнитофонная запись речи двух жителей Которска – Елены Васильевны, 83 лет (малограмотной, прожила безвыездно в Которске всю жизнь) и Андрея Зайцева, 77 лет (родился в д. Любенск в двух км от Которска, но большую часть жизни прожил в Которске). Оба информатора подчеркивали, что в их местности “в каждой деревне говорят по-разному”

Как показывает анализ имеющихся материалов, говор Е.В. почти последовательно оказавший со спорадическим аканьем, ср.: *ходи́л, дере́ня бо́л'ша́я хоро́шая, робо́тът', я бо́ла бгорбдницъй, земля хоро́ша, а там один песок, хозяина нет, костёр ръзведут, ребяты ътруга́йт, пошлёт пода́л'шы, гбвори́т' нел'зя́, привезёна здалека́* и под. На оканье в слогe перед последующим ударным /а/ указывают такие примеры: *бол'ша́я, поса́дим, земля́, прѣежджѣ́те, хозяина, офса́, пода́л'шы, збалова́лис'* Но даже в ее относительно коротких монологах встретилось *не́мцы ръзары́ли, аста́фшы адни́ старики́, мой дъраги́и, маркóви, расса́ду, никаво́ нет*, которые указывают на аканье не только перед последующим ударным /а/, но также и перед /о, и, ы/. Таким образом, нет оснований подозревать в ее идиолекте даже элементов ассимилятивного аканья. Случаев яканья в речи данного информатора не зафиксировано.

В рассказах А.З. аканье и оканье отмечены в одних и тех же словах, часто в одном и том же высказывании, например:

овѣс, офсы́нка, балто́нка / бо́лто́нка, мочо́ная / памбóчыш, ф поля́х, пòкúшът' / пакúшът', коня́, в вайну́ дом сто́ял, калёсы и оббó'я, котёл бал'шбóй, конёц, коры́та, годáм лежы́т', на карбóву / корбóфку, как мб́ло-ко́ белая вадá,

но: *мало́тиш, сало́мы, палё́шку, скати́ну, карбóфку, пàткармли́вът', патóм, ъддава́ли, пъста́йт, раство́рит, пагб́да, дамбóй, вадичка́, уснава́т', ста́йт, к вады́.* На сложные отношения аканья и оканья в говоре указывает слово *ф кострjóл'ку*.

Случаи яканья в речи А.З. отмечены (например: *вясно́й, пня́л'),* но они редки; преобладает же произношение типа *верѣ́фка, берѣ́за, земля́, ведѣ́ш, нъверѣ́х, ръзмешáиш, телѣ́гу, денѣ́к* и т.д. Интересно, что информатор произнес *реды́* и *ряды́*, что также отражает сложное взаимо-действие аканья и оканья.

В общем, по-видимому нет оснований считать, что в данном говоре разрушается полновский вокализм и формируется ассимилятивное аканье. В данном случае ближе к истине, видимо, авторы ДАРЯ, указавшие на существование спорадического аканья (добавим – и яканья) в оказавшем в своей основе говоре. Поскольку программа ДАРЯ в Заполье заполнялась в 1946 году, то там аканье, особенно в речи старшего поколения (а нашим информаторам тогда было около тридцати!) действительно могло быть редким, просто спорадическим.

О говоре дд. Сербино-Мышки, или к проблеме северо-восточной границы полновского вокализма

Во время пилотажных наблюдений над говорами северной части Плюсского района нам посчастливилось наиграть несколько часов записей

речи Евдокии Леонтьевны Зиновьевой (по мужу Даниловой, 88 лет, малограмотной). Она родилась в некогда большой д. Мышки, до 1956 года постоянно проживала в д. Сербино (2 км от Мышек, до революции – центр имения), с 1954 г. зимой живет в Санкт-Петербурге, а летом хозяйничает в Сербино. Повезло нам по нескольким причинам, и прежде всего потому, что Е.Л. является в настоящее время единственным автохтоном старшего поколения на обе деревни (Сербино и Мышки); и кроме того, несмотря на проживание в городе, она удивительно хорошо сохранила родной говор. Она говорит только *онé*, в ее речи встречаются обороты типа */сасéт приéхът у радíтильф/*, редкая форма *взéли (корóву)*, аналогичная *сéдим в лóтку*, зафиксированной в Островцах и Подолешье, она хорошо помнит традиционную лексику и не старается украсить свою речь городскими словами.

Для говора названных деревень, судя по идиолекту нашего информатора, характерна очень последовательная полновская система вокализма, с аканьем-яканьем в слоге перед ударными /и, ы, у/ и оканьем в остальных предударных слогах. Приводим основные примеры, демонстрирующие эту систему вокализма:

пакрýт', в трицýт' сед'мом гадú, жалúтка, в Маскёу, ни магу, тапít', скапíла, мýлатíли, уммалатít', пашилí, ляснícьм, в зямлí, сястрý, пиряжýта, сястрú, нясú, вядú, привяз'ли;

бол'шóй, котóры, бол'шóй, робóты, охóта, с солóмы, (они) молóтя, корóва, подбиш корóф, воз'мёт, скорéе, приболéл, доéдут, дерéвни, недéли, леккó, пешкóм, дефчóнкъм, телёнък, поéхъл, зернó, ведрó;

рóскопáл, посáжъна, обрáтна, с робя́тъм, нъ поля́х, мблока́, состáвили, мýлока́, войнá прошлá, два угромáдных сарáя остáфшы, утобрáт', стенá, не знáю, пýддержáт', держáли, привелá, бежáла, велá.

В записях есть отрезки, в которых подряд идут слова, иллюстрирующие полновский вокализм очень наглядно, ср.: */вядú свáю корóву / он повёс / и моя́ тогдá уж пошлá /*.

В речи информатора встретилось также немало случаев аканья (*уттавóта, рáбóтъла, згáрэфшы, сáломъй, паспáт', авёс, гáвáрю* и нек. др.), и один случай яканья (*биряглá*). Эту особенность было бы рискованно приписывать, не имея контрольных записей от других информаторов, местному говору в целом. С другой стороны, отмечены случаи предударного ёканья (*привёлá*) и гипероканья (*стрóхóфку*).

Очень характерной чертой описываемого идиолекта является наличие в нем предударных /о/, /а/, /е/ полного образования – или *олофония*. Как подчеркивалось ранее, это явление, по-существу,

представляет собой разновидность гиперфонии описанных выше побережных говоров, менее ярко выраженный ее вариант. На связь олофонии и гиперфонии прямо указывают случаи подлинной гиперфонии под усиленным или сильным фразовым ударением – особенно в начале фразы и перед последующими гласными верхнего подъема (типа *gādu*, *pākryt'*, *ni māzū*, *plātīli* и под.). Из-за уникальности материала в настоящее время трудно понять, является ли наблюдаемая олофония особенностью говора, который представляет Е.Л., или же она сформировалась в ее идиолекте под влиянием городской речи на основе гиперфонии.

Для целей нашей работы самым важным является то, что имеющиеся данные надежно удостоверяют существование полновского вокализма в западной части Плюсского района и подтверждают предположение о том, что изоглосса “частичного или полного различения /o, e a/...” карты 6 ДАРЯ отражает, видимо, на данном отрезке именно эту систему вокализма. Внутри указанной изоглоссы расположен пункт 93, на данные которого нет ссылок в [Образование 1970], и пункты 89, 93, представление об особенностях говоров которых по карте 6 ДАРЯ составить невозможно.

Судя по идиолекту нашего информатора, основные правила реализации гласных в остальных безударных слогах таковы.

Во втором предударном слоге безударные гласные представлены звуками /ɤ/ и /u/, причем /ɤ/ может маскироваться последующим усиленным предударным /o/ или /a/ и приобретать его окраску:

п̄теклá, п̄р̄далá, п̄р̄даю́т, г̄варі́ли, м̄латі́ли, м̄ла́дыи, п̄р̄гуля́иш, з̄болéл, п̄ддержáт', т̄парóм, п̄р̄бежáла, особенно г̄р̄ж̄нїкá – г̄р̄ж̄анїк 'загородки – загородка' – но з̄топ̄ля́т', з̄болéл, х̄рошó, з̄г̄радї́л, з̄г̄р̄ож̄на, з Баравні́, накасї́ли и др.

Этимологическое /e/ в этой позиции последовательно реализуется как /u/: *п̄ряп̄ї́ски, б̄ряг̄лá, п̄ряж̄ї́та* и под.

Во втором неприкрытом предударном слоге наблюдается последовательное уканье: *убаруд̄в̄яла, уммалатї́т', уммалатї́ли, угорóт, угорóдик, узорничáю, ут когó, ут мин̄я, утобрáт', утрубл̄ю, убярн̄ут', убрядї́т', утвazї́л* и т.д.

В заударных связанных слогах гласные неверхнего подъема довольно последовательно представлены звуками /ɤ/ и /u/, например:

э́тх, хóл̄т, в̄ы́рт, бé́гьл, д̄ум̄ьт', онé приé́х̄д зде́с', дефчóнк̄ьм, с роб̄я́т̄ьм, телё́н̄к, отрэ́з̄ьт', за Лú́г̄ьй;

приé́х̄ла, пóльсы, дé́льли, крóш̄ьва да́д̄ут, дé́тк̄ьва, ро́стрéлив̄ьли, стóр̄ж̄ьм;

пóмир, калóдиц, чéрис, дéсит', пóднили, вóсим, брёвин, знáиш, уежжáит, знáйти, тýсичу.

В слоге перед конечным /а/ полного образования в конце фразы /ъ/ предшествующего слога нередко на слух воспринимается как /ь^а/ или /а/: *в газéтъх написана#.*

В конечном открытом заударном слоге наблюдается последовательное аканье с тем, что /а/ (< /о/, /а/) в середине синтагмы обычно ослабляется и реализуется как /ъ/, либо как /а/, ср.: *дóчка вёрнъ прислáла#, нáдъ пьдымáт', нáда лес, вот котóрь^а умирлá#, хлéбъ бýла мнóга#, кáжда úтра#.*

После мягких согласных для этого слога характерно /у/ на месте /е/ с тем, что в конце фразы и синтагмы здесь может произноситься е-образный звук, ср. (она) *пъс'цираи, вмéс'ци, на четы́ри души, мьлadyи, и скорé жат', хь^алоннэ'.*

Имеющиеся примеры позволяют утверждать, что /а/ и /е/ в данной позиции не нейтрализуются, ср.: *дýд'а та бывáла, рíга та сырáя бýла бы.* Следовательно, этимологические гласные неверхнего подъема в этой позиции ведут себя неодинаково после твердых и мягких согласных, поскольку /а/ – /о/ → /а/ (и другие реализации), в то время как противопоставление /а/ – /е/ после мягких согласных реализуется как /'а/ – /у/.

Почап

Получасовая беседа с Антониной Федоровной (71 год, неполных 3 клас-са образования, родившейся и прожившей большую часть жизни в Почапе, не выезжавшей за пределы сельсовета), записанная на пленку в 1992 году, оказалась значительно более важной для наших целей, чем это казалось тогда.

Д. Почáп находится по дороге из Сербина на Плюссу недалеко от пункта 116 ДАРЯ, о чем далее. На слух мне показалось, что говор нашего информатора тождественен говору Мышек-Сербина, о котором речь шла выше. Действительно, судя по зафиксированным примерам, его можно было классифицировать как полновский, о чем свидетельствует:

аканье в предударном слоге перед ударными гласными верхнего подъема: *адну, мьлатíлки, мьлатíли, гьварíли, снапы, ньмачít', папít', ъд гразы́, выйны́, упрасíли, хадíла;*

оканье (сохранение /е, о/ в предударном слоге перед ударными гласными среднего подъема и /а/):

потóм розмóкнут, приготóвили, хьрóшо бы, чьлонóк, пострóбли;

конéшна, зерно́, в воде́, немно́га, кешком бы за́пйт'(кеж 'процеженный настой из овсяной муки, из которого потом варят кисель; его пьют также вместо кваса'), *кежбóвы* (местная фамилия), *згорéл, ни хотéла, софсéм, немно́га, тепéр', дeрeвня, детeй, ф сем'иe;*

одна́, снопа́ми, когда́, офся́ный (кисель), богáта, хозяйстóу;

сер'на́ми, ани ть'сто́ят, семна́цэт', не зная́, сперва́, едят (хотя у миня́, но это, возможно, лексикализованная форма).

Мы специально подчеркнули, что в первом предупредительном слоге в первой из названных позиций зафиксировано именно только аканье; в семи словах, где ожидалось бы яканье, было произнесено /e/: *чeты́ри, пpыцeдим, тьчeмy, землi, нe жьыла, жeнiх, кpесты́* (2 раза, причем один раз – почти с ударением на /e/). Из-за малого количества примеров остается неясным, то ли информатор сознательно избежала яканья, то ли это особенность ее идиолекта, то ли для данного говора действительно характерно “полновское яканье” при “полновском аканье”

Этот вопрос имеет немалое значение, поскольку Почап находится на самой границе оканья. А.Ф. рассказала, что

/мы здeс' ф почáпи у нас на о и на а [говорят] / я гьварю́ корóва а мóжна гьварит' карóва /... вот у меня́ ма́ма фсe на о гьварила́ / она́ бьыла с кьмарóва / сeчac там такiх стáрых тóжы нет / там тóжы ...гьварят как и мы/ вот моя́ ма́ма стáрья бьыла́ / так она́ свайeмy тóл'ка ть'чиня́лс'/ /я гьварю́ мат' / вот ит' ты жьывeш скóка лет ф почáпи / неужeл' ты не мóж'ш ть° почáпски гьварит' / она́ гьварил нет / я пpивы́клая пó кни́жнъму гьварю/... /у наз гьварят пашли́ / а ма́ма гьварила́ пашли́/ пашла́ / она так гьварила́/.

Как видим, мать нашего информатора родом из д. Комарово, которая находится менее, чем в 3 км к юго-востоку от Почапа (на той же дороге в сторону Плюссы). Очевидно, она была полной окальщицей, иначе бы наблюдательная дочь не заметила бы, что ее мать говорит только “на о”; сама же мать считала, что она говорит “по-книжному”

Чтобы оценить значение этих сведений, необходимо несколько внимательнее рассмотреть данные карт 1 и 6 ДАРЯ. Ближайший к Почапу пункт 116, обследованный по программе ДАРЯ, назван “д. Лядинка Лядского района” По-видимому, имеется в виду д. Лядинка ныне Плюсского района, поскольку “Лядинка” в Плюсском районе не значится, см. [Адм. деление, 1988].

Но дело в том, что в данном ареале имеются две Лядинки – одна Нежадовского, другая Лядского с/с, и обе находятся на расстоянии

9 км друг от друга, причем Лядинка “лядская” – расположена менее, чем в 3 км от Почапа. Если положиться на точность создателей карты-кальки пунктов ДАРЯ, то обследована была, скорее всего, Лядинка “нежадовская”, находящаяся ближе к пункту 114 (д. Волошово Лужского района Ленинградской области), чем Лядинка “лядская”

Это было необходимо уточнить для того, чтобы понять, что скорее всего именно на основании сведений из пункта 116 на карте 1 ДАРЯ выделен микроареал “гдовского, полновского оканья и других систем”, см. нашу карту 8. На карте 1 ДАРЯ здесь находится также юго-западная окраина микроареала “яканья гдовского типа”, причем весь этот микро-ареал находится на территории, очерченной изоглоссой “отмечено аканье” Это уже трудно понять; если же на этот микроареал наложить данные карты 6 ДАРЯ, то окажется, что здесь, на территории известного нам “полного или частичного различия /о е а/...”, отмечено сильное аканье, и такое сочетание явлений должно быть характерно и для территории, на которой находится Почап.

Нам кажется, что приведенные выше данные из говора д. Почап несколько проясняют картину. Несомненно, что он находится на самой границе территории оканья; возможно, к северу от него зафиксировано несколько пунктов с гдовским вокализмом, по-крайней мере, с яканьем гдовского типа. Для самого же говора д. Почап характерна либо обычная полновская система вокализма, либо ее вариант – “полновское аканье” (аканье в предударном слоге только перед последующими ударными гласными верхнего подъема) при э-фонии (сохранении /e/) в этой же позиции, т.е. в нем наблюдается произношение

/пашлѣ, снапы, зьварю/

/крестѣ, сестры/

при оканье во всех остальных позициях:

/згорѣл,

чълонбк/

/детѣй,

зернб/

/пошла, сер'нами/, см. выше.

Окончательно решить этот вопрос можно только после дообследования говора по специальной программе.

Что касается остальных безударных слогов, то здесь наблюдается следующее.

Во втором предударном слоге абсолютно преобладает /ь/ после твердых, и отмечено исключительно /и/ после мягких согласных, например:

скъбáри, мълатíлкъм мълатíли, нъзывáли, гъварíли стърíки, нъмачíли, пъчему, тълонó, пръцедíт', пъ почáпски, дъверяла, дълекó, ръзведёнъва, ръз'делéния, пъмогáит, зъжигáт', дб Къмарóва, пъявíлиси';

пиремéна, ни дапускáла, ни магу, ни малóтим, мат' ни хотéла, ни пришлóс', ниучóныи, в диревнѣх, тижелó, дéти нибал'шѣи, пиримéную, нéскъл'къ пиреклáдин.

В слоге перед последующим /o/ предударным звук /ъ/ нередко приобретает /o/ окраску: чъ'ловéк, хъ'рошó, мъ'лочкá, чълонóк (и чълонóк при челнóк).

Отмечено также несколько случаев уканья типа пъ'сто́ят, пъ'мо-гáит, пъ'тчиня́ис', такó⁶ пъ'становлéнии, свидетельствующих, видимо, о его связи с предшествующим губным /п/, а также примеры произношения типа убижáлис' нъ нявó и 'тверждáит со слабым /у/ наряду с ът гразы́.

В связанных заударных слогах в большом количестве примеров отмечены только /ъ/ и /у/, что в записях продемонстрировано на несколько раз повторенном ойкониме *брѣхъвна* 'Ореховно'; поправляя нас, информатор произнесла: /не пóчъп а почáп/; ср. также *мълатíл'шчикъф, семна́цът', ф три́цът' девятъм, робóтът', на ху́търи* (но с *хуторóф*), *убижáлэс', наkáшъвъл, спрáшъвът', сапóжничъл, шлóпът', за Ля́дъм, цёркъв бьлá;*

молóчъны, на ху́търи, поря́дъшна, до на́шъва, ръз'ведёнъва, слы́шъла, этъва, вы́гъли, слы́шъла, думъю, нéкътъръм, вы́сушъна;

у́мир, б́удим, б́чин', чéтвира, сémисит 'семьдесят', поéдити.

В конечном открытом слове правила реализации гласных, кажется, более сложны. Прежде всего, конечные этимологические /o/ и /a/ не различаются. Внутри синтагм они представлены либо кратким редуцированным /ъ/, либо – под фразовым ударением, в конце синтагмы и в конце фразы – гласными типа /ъ^o/, /a/ и кратким /ǎ/, например:

вы́сушънǎ зернó, прóстǎ брѣхъвнǎ, (фамилия) ът этъвǎ пошлǎ, ма́ма рабóтъла, мно́га пра́вды, он нъ войнѣ убíта и т.д.;

бédнъ жь́ли, стрóицъ бь́лъ трúднъ, /да? Нíнъ?/, ма́мъ гъварíла, ал' скóка я ни знáю, знáиш шчо дѣ́пка и т.д.

Кроме указанных реализаций, внутри синтагм возможно также сокращение конечных /ъ/ до слогового призвука: *я т' дóм' потóm не жь́ла, три клас' тóл'ка, тóж' тágж' гъворя́т.* Наконец, на стыке слов наблюдается сандхи, при котором /ъ/ модифицируется под влиянием последующего гласного, либо трактуется как предударный слог, ср.: *мно́гъ^o б́чин', ни хатéл^o б́чин', до на́шъвъ^o дóма, конéшнъ^o по эстóнски* (ср. *конéшна хадíли*), *наз*

быль° очин' мнѡзь вот. В двух случаях было выразительно произнесено /ѡ/ (*/самá конѣшнѡ нѣ ткáла/, /скѡрѡ бѹдит/*).°

Этимологическое /e/ в рассматриваемой позиции, кажется, реализуется как /w/ (*ѡби, вмѣсти, знáйти, труднѣи бѹла, вѣрхнии, старѹи* и под.), либо как краткий *e*-образный звук (*помѣшъвъйтѣ, труднѣѣ бѹла, дѣти не старѹѣ*).

Особенности безударного вокализма полновских говоров, их распространение и проблемы происхождения

Безударный вокализм полновских говоров (попытка обобщения)

Как следует из изложенного выше, к настоящему времени мы располагаем следующими источниками о полновской системе безударного вокализма:

описанием вокализма 1-го предударного слога на основании полевых записей на слух в говорах дд. Чудские Заходы и Узьмино [Строганова 1962, 106–107];

небольшим количеством примеров из говора д. Аксентьево (п. 82 ДАРЯ), удостоверяющих его “полновскую” природу, а также отклонения от полновской системы в сторону яканья перед последующим /a/ ударного слога; материал в говоре, судя по всему, был собран по программе ДАРЯ;

ссылками на пп. 81, 94, 97 ДАРЯ как на “полновские” в работе [Образование 1970];

данными об особенностях безударного вокализма говоров дд. Чудская Рудница, Подборовье, Низовицы, Подолесье и Островцы, Кобылье Городище, Заборовки, Сербино и Почапа, проанализированных выше.

Эти материалы позволяют сделать целый ряд обобщений об особенностях безударного вокализма полновских говоров. Важнейшими мы считаем следующие.

Последовательная, без существенных отклонений или вообще без отклонений, полновская система вокализма функционирует в говорах побережных деревень Чудские Заходы, Чудская Рудница, Подборовье, в “залесской” деревне Заборовка Гдовского района, а также в говоре дд. Мышки-Сербино Плюсского района. Таким образом, факт существования полновской системы вокализма и полновских говоров можно считать достоверным и надежно установленным. Это необходимо особо подчеркнуть, поскольку Т.Г. Строганова, даже приводя обширный материал из говора д. Чудские Заходы – фактически единственного говора, предударный вокализм которого был ею подробно документирован, – отмечает, что в данном говоре “несмотря на преобладание *e* после мягких согласных на

месте *e*, *ɛ*, *'a* перед гласными неверхнего подъема (а как же должно быть иначе при полновской системе? – В.Ч.) все же достаточно отчетливо выступает” (подчеркнуто нами. – В.Ч.) полновская система вокализма [1962, 106]. Может быть, ее смутил случай гиперъеканья в словах *тегат*”, *тегафшы*? Но очевидно, что даже последовательно проведенное гиперъеканье не означает разрушения полновского вокализма, если он в говоре действительно существует. Недокументированным примерами остается говор побережной д. Самолва.

Факт реальности существования говоров с полновской системой вокализма, т.е. с параллельным полновским аканьем и полновским яканьем необходимо подчеркнуть еще и потому, что в последних работах Р.И. Аванесова “полновским типом предударного вокализма” считается только полновское аканье (так же как и “гдовским типом вокализма” считается только гдовское аканье), см. [Аванесов 1974, 144–145]. Полагать так позволяют два обстоятельства. Во-первых, оба указанные типа вокализма рассмотрены Р.И. Аванесовым в разделе “Положение после твердых согласных”, и примеры, иллюстрирующие их, действительно являются примерами на аканье (типа *вады́*, *травы́* и т.д.). Во-вторых, в разделе, посвященном яканью, эти системы вокализма не упоминаются, т.е. в нем нет положения о существовании полновского яканья и гдовского яканья как особых типов предударного вокализма. В этом отношении работа Р.И. Аванесова [1974], в которой обобщены его более ранние наблдения, отличается от положений [Русская диалектология 1965], в которой говорится о полновском и гдовском типах вокализма [там же, 40–41], и описывается как полновское, так и гдовское яканье [там же, 64–65]. Это обстоятельство не является случайным, поскольку точно так же, как в работе [Аванесов 1974], полновская и гдовская системы вокализма трактуются и в статье [Аванесов 1972, 68].

В говоре д. Аксентьево зафиксированы примеры яканья в предударном слоге перед последующим ударным /а/, что дало основание Т.Г. Строгановой поставить вопрос о том, не “не отражает ли вокализм этого говора тенденцию перехода к системе гдовского типа?” [Строганова 1962, 107–108]. Действительно, последовательное проведение этой тенденции к ассимилятивному яканью означало бы приближение полновского вокализма к гдовскому. Проанализированные нами данные из говора д. Низовицы, кажется, подтверждают существование такой тенденции; в этом говоре она проявляется с большей очевидностью, поскольку здесь отмечены случаи не только яканья перед ударным /а/, но и немало случаев

иканья в слогe перед ударными гласными среднего подъема /e, o/ (что характерно для системы гдовского яканья, особенно в северной части Псковского района¹¹).

Наиболее полно эта тенденция реализовалась, однако, в говоре побережных дд. Подолешье и Островцев; *систематическое яканье в 1-ом предударном слогe перед последующим ударным /á/, или ассимилятивное яканье, при аканье-яканье перед ударными гласными верхнего подъема и последовательном оканье всех остальных случаях дает основание считать этот вокализм особой разновидностью системы вокализма, промежуточной между полновской и гдовской:*

аканье-яканье /снапкíснапы́

даду́/

перед ударными /и, ы, у/ /т'вял'íсястры́сястру́/

оканье перед

ударными /e, o/

/сестре́,

лепёшки/

/оте́ц,

моло́тью/

оканье перед ударным /a/

/поишлá/

яканье перед ударным /a/

/пяскá/

В виде формулы ее можно представить как $C^{(3)}aCí, y, ú; C^{(3)}e, oCé, ó; Co, aCá/C'aCá$.

Для говора д. Кобылье Городище характерен иной тип промежуточного или смешанного полновско-гдовского типа вокализма, а именно *систематическое аканье в 1-ом предударном слогe перед последующим ударным /á/, или ассимилятивное аканье, при аканье-яканье перед ударными гласными верхнего подъема и последовательном оканье всех остальных случаях:*

аканье-яканье /каптíли

тач'ьла расту́т/

перед ударными /и, ы, у/ /т'вял'í, сястры́,

сястру́/

оканье перед

ударными /e, o/

/сестре́,

лепёшки/

/оте́ц,

моло́тью/

аканье перед ударным /a/

/пашлá/

отсутствие яканья перед ударным /a/ */нескá/*

В виде формулы ее можно представить как $C^{(n)}aCí, \acute{y}, \acute{u}; C^{(n)}e, oCé, ó; CaCá/C'eCá$.

Судя по данным говора д. Почап, которые следует считать предварительными, возможно существование варианта полновской системы при отсутствии яканья перед ударными гласными верхнего подъема:

/паишл́, снап́, зъварю́/

/кресты́, сестры́/

при оканье во всех остальных позициях:

/згорéл,

чълонóк/

/детéй,

зернó/

/пошл́, сер'пáми/.

Как уже не раз упоминалось выше, в обобщениях Т.Г. Строгановой важное место занимает материал из неидентифицированной пока д. Чухнова Лядинка, в котором в слоге перед ударным /a/ этимологическое /a/ реализуется как /ъ/ или /ь'ъ/, например: *къкáя, скъзáла, стръ'дáт*" и под. [1962, 108; Образование 1970, 423]. Известный нам материал не подтверждает факта существования "чухново-лядинского феномена" Более того, для всех обследованных нами говоров в этой позиции характерны гласные полного образования, т.е. гласные количественно и качественно нередуцированные; более того, предударные /e, o, a/ часто не уступают по длительности последующие ударным, и часто превосходят их, особенно /e, o, a/ перед последующими ударными верхнего подъема. Важно также, что предударное /a/ является таким же сильным перед последующим ударным /a/, т.е. наблюдается явление, прямо противоположное "чухново-лядинской редукции"

Описанные явления мы назвали олофонией и гиперфонией и старались как можно более наглядно документировать их в описаниях отдельных говоров, тем более, что в литературе по гдовским говорам о нем ранее не упоминалось. Олофония характерна для говора д. Кобылье Городище и единственного представителя говора дд. Мышки-Сербино Плюсского района. Полагаю, что гиперфония и олофония имеет отдаленное отношение к системе диссимилятивного аканья, при котором предударный в слоге перед ударными гласными верхнего подъема бывает удлинненным, но эта проблема в данной работе рассматриваться не будет.

Что касается особенностей реализации гласных в других слогах, кроме первого предударного, в полновских говорах, то здесь мы вынуждены опираться в основном на собственные данные, поскольку,

как упоминалось выше, в работе [Образование 1970, 427–439], как и в ДАРЯ, данные этих говоров не рассматривались специально, но были представлены в целом для “гдовской группы говоров” как классификационной единицы северо-западных среднерусских говоров.

Поскольку полновские говоры интересны прежде всего сочетанием в них принципов аканья и оканья, то есть смысл заметки об их безударном вокализме начать со свободного (заударного открытого конечного) слога в котором, как показывают наши данные, для всех говоров характерно аканье без яканья, причем этимологическое /e/ сохраняется в этой позиции в побережных деревнях и в залесской Заборовке по модели

/тэ́ста (им.пад. ед. числа), *но́се/*,

и последовательно реализуется как в говорах дд. Мышки-Сербино и Почапе (по модели

/тэ́ста, но́си/.

О реальности первой модели свидетельствуют пары типа (он) *но́се* – (они) *но́ся* (см. раздел *Подолесье-Островцы*). В наречиях этимологическое /e/ представлено гласными /u/ (после мягких) и /ы/ (после отвердевших) согласных (для детального описания рефлексов /e/ в других морфологических категориях часто не хватает данных, см. далее).

На аканье в данном слоге следовало обратить особое внимание еще и потому, что на карте 18 ДАРЯ “Гласный на месте *o* в заударном конечном открытом слоге после твердых согласных” на всей Гдовщине отмечено оканье в этой позиции, и сочетание аканья и оканья – в ее северной и южной части. Иными словами, согласно этой карте, для всех полновских говоров характерно так называемое *неполное аканье* – или оканье в безударном свободном слоге при предударном аканье. Наши материалы показывают, что в настоящее время неполное оканье для полновских говоров нехарактерно. Не исключено, однако, что при обследовании этих говоров на слух как заударное оканье могли быть истолкованы случаи появления /δ/ или /ь^o/ в результате сандхи, т.е. взаимодействия конечного гласного и последующего гласного следующего слова (типа *нашδ óзеро, надолδ ужэ́, сохá дббрδ_наша* и под., см. последние разделы описаний отдельных говоров). К сожалению, магнитофонные записи, которыми мы располагаем в настоящее время, не содержат достточного количества материалов для детального описания этого явления.

Что же касается этимологического /e/ в данной позиции, то его рефлексы не представлены на фонетических картах ДАРЯ, пос-

кольку они во многих случаях морфологизированы. В рассматриваемых говорах /e/ последовательно отражено как /u/ (/y/ после твердых) в наречиях. В остальных морфологических категориях этимологическое /e/ может сохранять свой тембр (в им. падеже ед. числа существительных среднего рода, в 3-м лице ед. числа глаголов; в им. падеже мн. числа прилагательных и сравнительной степени наречий); частичное сохранение тембра /e/ отмечено в конечном слоге фразы в некоторых морфологических категориях в говорах дд. Сербино-Мышки и Почап).

Длительность, а в восточных полновских говорах – и качество гласных свободного слога, как и во всех русских говорах, зависит от позиции слова во фразе и в интонационном контуре; эта особенность полновских говоров будет подробнее рассмотрена в специальных работах по ритмической структуре слова в говорах Псковщины. Сейчас отметим только, что в говорах Гдовщины конечное /a/ обычно сохраняет свое качество, в то время как в говорах Плюсского района оно теряет его внутри синтагм и может редуцироваться до нуля.

В полновских говорах Гдовщины гласные в связанных безударных слогах являются более длительными и более часто качественно окрашенными в потоке речи, чем в говорах Плюсского района.

В обеих группах говоров во втором предударном слоге преобладают /ь/ после твердых и /u/ после мягких согласных. Однако, если /u/ в данной позиции не реагирует ни на качество, ни на длительность гласных в первом предударном слоге, то /ь/ в этом – этом отношении ведет себя иначе. Именно, акустически, на слух, будь-то в живой речи или в отрезках речевого потока, состоящих из 2-го и 1-го предударных слогов, /ь/ часто воспринимается как звук, имеющий *a*- или *o*-состоящих из 2-го и 1-го предударных слогов, /ь/ часто воспринимается как звук, имеющий *a*- или *o*-тембровую окраску (в зависимости от качества последующего гласного). Этот эффект является тем более ярким, чем больше длительность предударного слога, т.е., чем ярче в говоре выражена гиперфония. Как было подчеркнуто выше, гиперфония представляет собой характерную черту говоров Гдовщины; она характерна также (хотя и не так ярко выражена) для говора д. Почап, а в говорах дд. Сербино-Мышки и Кобылье Городище отмечен ее ослабленный вариант, или олофония. В соответствии с этим распределена и частота реализаций типа *хѡрошѡ*, *хь^oрѡшо*, *мь^aлатѡли*, *малатѡли* и под., т.е. они являются более частыми в говорах Гдовщины, чем в рассмотренных говорах Плюсского района. Интересно, что

предударные гласные верхнего подъема не оказывают аналогичного влияния на предшествующие им гласные 2-го предударного слога.

В обеих группах полновских говоров значительно отличаются особенности реализации безударных гласных в связанных заударных слогах. Суть этого различия состоит в том, что если на Гдовщине гласные в этих позициях значительно чаще сохраняют *a*-или *e*-тембровую окраску, то в указанных говорах Плюсского района вокализм более стандартизирован, и обычно здесь выступает либо /ɤ/ (< /a/, /o/), либо /u/ (< /e/). В свою очередь, наличие тембровой окраски и ее полнота зависит от интонационных факторов – от положения слова в интонационном контуре. В итоге, можно утверждать, что ритмическая структура слова в говорах Гдовщины является более “эластичной”, “подвижной”, более чутко реагирующей на интонационные факторы, чем более “жесткая” в этом отношении ритмическая структура слова в говорах Плюсского района. Объективным показателем различия между обеими группами говоров в этом отношении может быть нейтральный ритм речи. На слух он является более медленным на Гдовщине (за исключением говора д. Кобылье Городище), и несколько более быстрым в говорах Плюсского района. Это различие будет предметом исследования отдельной работы.

В заключение этого раздела хотелось бы отметить, что в нем обсуждены далеко не все особенности предударного вокализма, так или иначе затронутые в описаниях отдельных говоров, которые были задуманы как в некоторых отношениях самостоятельные исследования. Многие из них только сигнализированы и нуждаются в дополнительной фонетической и лингвогеографической разработке, т.е. являются как бы программными для дальнейших разысканий. К числу таких явлений относятся, например:

проблема сохранения качества этимологического /o/ во втором предударном слоге и степень влияния предударного /o/ на качество гласного (после твердого согласного) во втором предударном слоге;

сохранение /o/ (в Подборовье, Низовицах, в большинстве случаев – в говоре Подолешья и Островцев) и уканье во 2-ом предударном неприкрытом слоге (которое последовательно проведено в говорах дд. Сербино-Мышки и непоследовательно – в говоре д. Заборовка)

ёканье в предударном слоге перед последующим твердым согласным в говоре Подолешья-Островцев;

степень редукции заударных связанных слогов и нек. другие.

Лингвогеография и проблемы происхождения полновских говоров

Приведенные выше данные позволяют очертить приблизительный ареал распространения полновских говоров на Псковщине (см. рис. 8 и 9) и сделать ряд наблюдений о его соотношении с ареалами гдовский системы вокализма и оканья. На юго-западе крайним известным полновским говором является говор д. Чудские Заходы; далее граница их идет на восток и проходит через дд. Аксентьево и Носово (п. 97). Здесь их ареал, возможно, включает территорию, расположенную несколько южнее границы Гдовского и Псковского районов: насколько мне известно в настоящее время, от г.п. Середки Псковского района, расположенному приблизительно в 15 км от этой границы, и далее на юг распространены говоры с яканьем гдовского типа. На юго-востоке, уже в Струго-Красненском районе, граница полновских говоров проходит между дд. Узьмино (п. 98) и Ждани, говор которой является окающим с гипероканьем, о чем наглядно свидетельствуют примеры типа *норода, блогой, зобор, коменя, тровы, кросивые, покожу, кокая*,

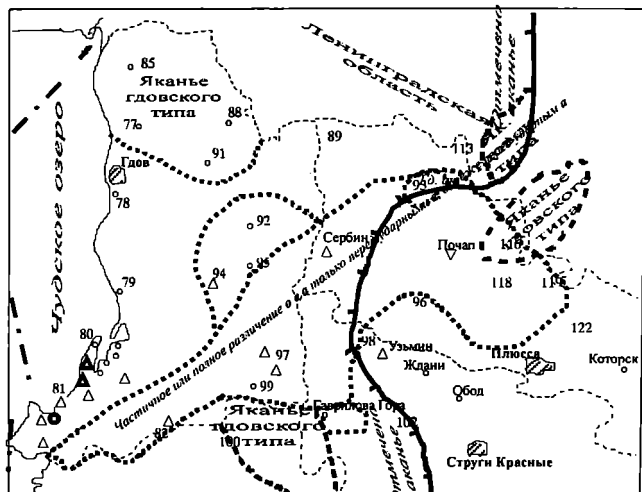

Рис. 8. Ареалы типов предударного вокализма в слове после мягкого согласного в северной части Псковской области по ДАРЯ (карты 1, 3).

Условные знаки

△	полновский вокализм	○	гдовский вокализм	Название изоглоссы согласно картам ДАРЯ
●	смешанные типы вокализма	▽	вокализм Почапа	

Аканье и оканье в северной части Псковской области

норода – как и *стола, носи* и т.д. [Жуковская 1968, 7–8]. Согласно карте 1 ДАРЯ, последовательное оканье здесь захватывает п. 98 (д. Сиковицы). По сообщению З.В. Жуковской, для говора д. Гаврилова Гора характерен уже гдовский вокализм [там же, 6].

Далее, на участках между Узьмино и Почапом, а также Почапом и Сербином, эта граница проведена условно, поскольку остается неясным, насколько далеко на север они заходят. Очевидно, необходимые уточнения к ареалу, очерченному на рис. 8 и 9, могут быть сделаны после дообследования соответствующих территорий.

Ареалы гдовского вокализма на рис. 9 представлены на основе ранее опубликованных данных, причем остается неясным, изолированными или не изолированными являются два микроареала, очерченные на основе карт ДАРЯ. Территория к югу от Гдовщины представлена как зона гдовского вокализма и на основе опубликованных данных, и на основе наших наблюдений.

Конфигурация и соотношение ареалов полновского и гдовского типов вокализма, о которых по опубликованным ранее данным

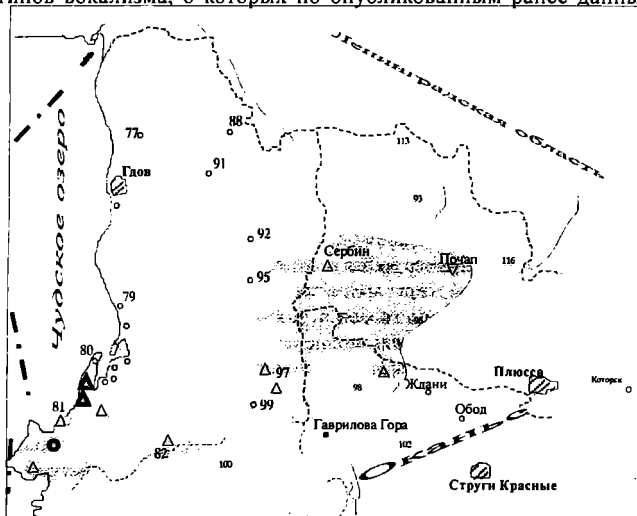

Рис. 9. Ареалы полновского и гдовского типов предударного вокализма в северной части Псковской области

Условные знаки

○ гдовский вокализм	— граница распространения гдовского вокализма
△ полновский вокализм	— граница распространения полновского вокализма
▲ ● смешанные типы вокализма	▽ вокализм говора д. Почап

можно было только догадываться, позволяет сделать ряд выводов и предположений об их генезисе.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что ареал полновского вокализма непосредственно с акающими говорами не граничит. Это означает, что *аканье-яканье в слоге перед последующими гласными верхнего подъема (позиция С[']аСі, у, і) в полновских говорах не могло возникнуть непосредственно под влиянием собственно акающих(-якающих) говоров.*

Далее, является совершенно очевидным, что ареал полновских говоров разрезает ареал гдовского вокализма на северную и южную части; а на северо-востоке он окаймлен островками (или сплошным ареалом?) говоров с гдовским вокализмом (развитым? или только реликтами этого вокализма?). Уже одно это обстоятельство позволяет заключить, что *полновские говоры аканье-яканье в позиции С[']аСі, у, і приобрели, скорее всего, именно от говоров с гдовским вокализмом.*

Для понимания диахронического соотношения полновского и гдовского вокализма существенным кажется то, что говор д. Кобылье Городище с ассимилятивным аканьем находится, как кажется, в окружении полновских говоров, для которых такое аканье нехарактерно. Иными словами, ассимилятивное аканье в этом говоре не может быть результатом влияния собственно полновских говоров.

Полагаем, что географическое соотношение рассматриваемых ареалов позволяет предположить, что полновские говоры сформировались в результате наложения окающих говоров на говоры с гдовским вокализмом. В пользу этого свидетельствует:

- расчлененный характер ареала гдовского вокализма и наличие говоров с гдовским вокализмом вокруг ареала полновских говоров;
- факт существования говора д. Кобылье Городище с ассимилятивным аканьем в окружении полновских говоров; в то же время не известны, кажется, изолированные полновские говоры в окружении говоров с гдовским вокализмом;
- существование “почапского” вокализма как вокализма, отражающего один из этапов развития полновского, причем почти несомненно, что почапский вокализм сформировался под непосредственным влиянием полновского.

Наконец, сама конфигурация ареала полновских говоров – его “сплюснутость” в западной части – на побережье Чудского озера, и значительно большая ширина в восточной части – может свидетельствовать о распространении с востока на запад либо самих полновских говоров, либо тех окающих говоров, которые,

накладываясь на говоры с гдовским вокализмом, становились полновскими.

Следовательно, как бы парадоксально это ни звучало на первый взгляд, *гдовский вокализм, характеризующийся большим количеством позиций, в которых допускается аканье-яканье, является, скорее всего, более архаичным типом вокализма по отношению к полновскому.* Судя по ареалу его распространения и учитывая его реликты в центральной части говоров Псковского района, этот вокализм формировался в результате распространения аканья-яканья с юга. Трудно поверить в то, что довольно сложная система предупредного вокализма, сочетающая принципы аканья-яканья (напомним, в позициях $C^{(s)}aCí, \acute{y}, \acute{u}$ и $C^{(s)}aCá$) и оканья (в позиции $C^{(s)}e, oCé, ó$), каковой является гдовская система, могла многократно возникать (генерироваться) просто в результате распространения аканья-яканья. Невероятным кажется и то, что такая система могла возникать в независимых ареалах (например, к северу и к югу от полновских говоров, см. рис. 9). Более вероятным выглядит предположение о том, что, сформировавшись некогда на границе оканья и аканья(-яканья) какого-то периода, это явление уже распространялось в более северных говорах как сложившийся вид предупредного вокализма, являющийся своего рода компромиссным (между аканьем(-яканьем) и оканьем), или переходным между оканьем и аканьем. Относительной древностью этой системы хорошо объясняется многочисленность ее вариантов, а также наличия ее реликтов далеко к югу от ее современной границы.

В общем, приведенные данные позволяют предполагать, что развитие аканья-яканье в северной части Пскощины происходило не по схеме

<i>оканье</i>	→	<i>полновский вокализм</i>	→	<i>гдовский</i>
<i>вокализм</i> $*C^{(s)}e, o, aCV$ $C^{(s)}aCí, \acute{y}, \acute{u}$		$C^{(s)}aCí, \acute{y}, \acute{u}$		
		$C^{(s)}e, o, aCé, ó$ $C^{(s)}e, o, aCá$	→	$C^{(s)}e, o, aCé, ó$ $C^{(s)}aCá$

(позиции, допускающие аканье-яканье, выделены жирным шрифтом).

Наоборот, полновский вокализм возник, скорее всего, в результате частичного свертывания аканья-яканья:

<i>гдовский вокализм</i>
<i>полновский вокализм</i> $C^{(s)}aCí, \acute{y}, \acute{u}$
$C^{(s)}aCí, \acute{y}, \acute{u}$

$$\begin{array}{ccc} C^{(1)}e, o, aCé, ó & \rightarrow & C^{(1)}e, o, aCé, ó \\ C^{(2)}aCá & & \\ C^{(3)}e, o, aCá. & & \end{array}$$

Непоследовательное яканье в части “полновских” говоров (дд. Аксентьево и Низовицы), отражает, видимо, современное влияние окружающих якающих говоров.

Труднее понять происхождение ассимилятивного яканья (в позиции перед последующим ударным /a/ – при оканье в этой же позиции) в говоре дд. Подолешье и Островцы. Это яканье в принципе могло развиваться под влиянием якающих говоров с гдовским вокализмом, находящихся в непосредственной близости к ним по побережью к северу (кстати, д. Ореховцы, для говора которой характерен гдовский вокализм, находится всего в 3 км от Островцев). Однако, как можно было видеть по говору д. Которск, новое влияние соседних акающих говоров приводит прежде всего к спорадическому аканью в различных позициях, а яканье вводится после аканья. Поэтому можно предположить, что вокализм говора дд. Подолешье и Островцы может представлять собой своего рода локальный архаизм, отражающий один из этапов перехода от гдовского вокализма к полновскому. Это предположение является предварительным. Если более детальное сопоставление побережных говоров позволит выделить в них какие-либо “собственно полновские” и “собственно гдовские” признаки, то проблема происхождения этого промежуточного вокализма между полновской и гдовской системой проявится¹².

Для теории аканья, по крайней мере в русской лингвистической традиции, важнейшим является положение о том, что первичным типом аканья было аканье диссимилятивное, которое затем эволюционировало в сильное. С этой точки зрения сильное аканье-яканье, как конституционный признак псковских говоров, является вторичным по отношению к системам предупредительного вокализма, организованных по так называемому принципу диссимиляции или включающих его элементы.

На основе этих установок Т.Г. Строганова и пыталась решить проблему происхождения полновского и гдовского типов вокализма. Согласно представлениям исследовательницы,

“После отделения Псковской земли от Новгородской в 1348 году определяющими для ее дальнейшего языкового развития становятся существовавшие и ранее контакты с более южными говорами, а псковско-новгородские контакты все более ослабевают. Уже сложившаяся к этому времени языковая близость говоров Гдовской и западной половины Псковской групп способствовала тому, что

частично явления этого периода, продвигаясь с юга к северу, охватывают опять-таки лишь пределы Псковской земли. Именно так себе можно представить формирование полновского и гдовского вокализма на основе включения в систему различения этимологических гласных в безударном положении диссимилятивного принципа – неразличения этимологических гласных в безударном положении” [Образование 1970, 451].

В этом рассуждении важно выделить два момента. Первое, полновский и гдовский вокализм рассматриваются как одно явление, что соответствует принципам картографирования этих систем вокализма на картах ДАРЯ, о чем речь шла выше. Второе, предполагается, что эти системы вокализма формировались в результате “включения в систему различения этимологических гласных” (читай, “в систему оканья” – В.Ч.) “диссимилятивного принципа – неразличения этимологических гласных в безударном положении”

Последнее понятие нелегко. Очевидно, сам по себе “диссимилятивный принцип” в систему включится не может; должно было возникнуть какое-то явление, отражающее этот принцип, который состоит в том, что в предударном слоге перед последующим ударным /а/ или другими гласными неверхнего подъема не может находиться /а/ и этимологические гласные неверхнего подъема /е, о, у/ представлены в позиции звуками типа /ь, и/.

Что касается рассмотренных нами “полновских” говоров, опубликованных данных и известных нам непосредственно говоров с гдовским вокализмом, никаких явлений, которые могут быть обусловленными диссимиляцией в указанном смысле, в них не обнаружено. Говоря о диссимиляции, Т.Г. Строганова имеет в виду говор Чухновой Лядинки, в котором, как уже упоминалось, она зафиксировала произношение типа *скъзала* и т.д.; эта система вокализма отражает, по ее мнению, “очевидно, более раннюю ступень развития как вокализма полновского, так и гдовского, который в свою очередь является дальнейшим этапом развития той же полновской системы” [Образование 1970, 423]. Однако ни определить местонахождения данного говора, ни подтвердить факта существования “чухново-лядинского вокализма” в других говорах в настоящее время мы не можем.

Допустим, однако, что развитие аканья в рассматриваемых говорах действительно началось с диссимиляции типа *скъзала, дьдэй*. Каким образом нейтрализация /о/, /а/ → /ь/ в данной позиции, т.е. появление в ней звука “не-а” может обусловить появление (“развитие”) в позиции перед ударными /и, ы, у/ именно гласного полного образования /а/? Мне это всегда казалось маловероятным,

и изучение особенностей аканья на Псковщине и Гдовщине не способствует убеждению в обратном. Действительно, если диссимилиация становится “формирующим принципом” предударного вокализма, почему предполагаемый следующий – после полновогого – этап его развития состоит во введении /a/ именно в предударные слоги перед последующим ударным /a/, т.е. проявление “ассимилятивного принципа”?

Кроме того, следует помнить о существовании гиперфонии и олофонии в рассматриваемых говорах. Как и по каким причинам краткий гипотетический редуцированный звук типа *ъ мог впоследствии “развиваться” в длительный гласный полного образования, по длительности конкурирующий с последующими ударными – в том числе и перед последующим ударным /a/? Не думаю, что эти явления можно объяснить с позиций “редукционной теории” генезиса и развития известных разновидностей аканья(-яканья).

Проблема “протополновских” говоров

Логика исследования заставляет поставить вопрос о том, какие черты и явления полновских говоров, если они действительно сформировались в результате наложения окающих говоров на говоры с гдовским вокализмом, могли быть унаследованными из этих окающих говоров, а какие (кроме аканья-яканья в слоге перед ударными гласными верхнего подъема) могут быть усвоенными из говоров с гдовским вокализмом. Понимая, что это тема отдельной работы, мы остановимся только, в согласии с проблематикой доклада, на явлениях безударного вокализма.

В 1992 году мы сделали магнитофонные записи в д. Обод Марьинского с/с Струго-Красненского района; он расположен в км 30 (по прямой) южнее д. Почап и менее, чем в 10 км на юго-восток от д. Ждани с описанным предударным вокализмом (см. рис. 2 и 3). Нашим информатором была Татьяна Алексеевна Лаврентьева, 1917 г. рождения, малограмотная, безвыездно прожившая в деревне всю жизнь. Ее родители также родом из этой деревни. Кроме того, мы побеседовали еще с несколькими жителями деревни, которая уже тогда становилась дачным поселком, и убедились, что идиолект нашего информатора действительно представительен для говора деревни в целом. К сожалению, записи по техническим причинам оказались не совсем качественными, но они содержат достаточно материала для характеристики основных особенностей говора.

Как показал анализ, говор д. Обод является последовательно окающим, о чем свидетельствуют такие примеры:

костры́, роди́шшы, делі́т", землі́ю, мѡлоті́ли;
горшо́к, творо́к, зерно́, телѣ́га;
война́, дома́, броса́ли, сем'я́, серпа́ми и т.д.

Это полностью согласуется с данными карты I ДАРЯ, на которой данный ареал залит цветом, обозначающим оканье, не осложненное ни аканьем (как в Которске), ни редукцией в предупредных слогах, независимо от качества последующего ударного (ареал такого рода окающих говоров находится далее к юго-востоку). Случаи аканья, однако, в наших записях имеются, но они действительно единичны (*пѡлатѣ́нцы, нажы́*, причем не исключено, что первое является "городским" словом, поскольку информатор в других случаях говорила *ручнѡкѡ́*). При знакомстве с говором д. Обод сразу же обращает на себя внимание очень выразительная гиперфония предупредных слогов; наглядно ее демонстрируют, например, такие случаи как

ко₁₅₀стры́шш, ро₁₄₅дѡ́шштили, по₁₀₃тѡ́м₁₁₀ ко₁₄₆лхѡ́с₉₁, по₁₃₈ мхѡ́м₂₄₆, бо₁₃₆л'шѡ́й₁₀₃, го₁₁₆ршѡ́кѡ́, тво₁₄₆рѡ́к₁₂₉, на₁₃₁чнѡ́т₈₃; це₉₈дѡ́и₈₉лка;
в де₁₀₈рѣ́₁₄₈вне, не₁₁₃мнѡ́₁₄₉шка;
сме₈₆, 78, 96тѡ́₁₀₈, 90, 113на;
та₁₂₆кѡ́₁₃₅я, на₁₃₄цѣ́₁₂₀дим.

Удлиненно в этой позиции произносятся гласные нижнего и среднего подъёмов, гласные верхнего подъема, являясь гласными полного образования, значительно не удлиняются (ср. например, *ку₈₃пѡ́шш, ли, жы́₈₇дѡ́шшчына* (назв. деревни), *ки₇₈сѣ́л'ш₁₀₁* и под.

В отличие от всех рассмотренных выше говоров, в которых гиперфония была особенно заметной под фразовым ударением и эмфазой, в данном говоре она кажется характеристикой нейтрального произношения. В ряде случаев непонятно, на какой слог приходится ударение – на этимологически ударный или этимологически предупредный.

Во втором предупредном слоге после твердых согласных обычно выступает редуцированный /ь/, после мягких – /ш/: *нѡ́шшсы́пѡ́ли, нѡ́шшстой́т, прѡ́шшстоква́ша, рѡ́шшшш"бѡ́шшшш, нѡ́шшшшшшшш, пѡ́шшшшшшшш (и пѡ́шшшшшшшш), мѡ́шшшшшшшш, рѡ́шшшшшшшш, нѡ́шшшшшшшш, чѡ́шшшшшшшш, скѡ́шшшшшшшш, мѡ́шшшшшшшш, чѡ́шшшшшшшш, жы́шшшшшшшш;*

ри₇₅шшшшшшшш, с рѡ́шшшшшшшшшш, нѡ́шшшшшшшшшш, нѡ́шшшшшшшшшш и т.д.

Перед последующим /о/ гласный 2-го предупредного слога нередко приобретает соответствующую окраску, например, *прѡ́шшшшшшшшшш (при прѡ́шшшшшшшшшш и прѡ́шшшшшшшшшш), мѡ́шшшшшшшшшш (и мѡ́шшшшшшшшшш), чѡ́шшшшшшшшшш (наряду с чѡ́шшшшшшшшшш и чѡ́шшшшшшшшшш), вѡ́шшшшшшшшшш, чѡ́шшшшшшшшшш, клѡ́шшшшшшшшшш. Под эмфазой /о/ в этом слоге может получать дополнительное ударение (*мѡ́шшшшшшшшшш, мѡ́шшшшшшшшшш*). Не отмечено*

примеров аналогичного воздействия на этот слог предударного /a/ (пъкажѹ, пѣставѹт”).

Во 2-ом предударном неприкрытом слоге для говора характерно последовательное уканье, ср.: *утожмѹ, уснуѣш, угорѹт, уржанѹя, ѹл'нянѹва мѹсла, ушибѹлис”, утпѹс”тѹли* и т.д.

В заударных связанных слогах почти регулярно наблюдается редуцированный гласный /ъ/ после твердых согласных и /у/ после мягких:

твѹрък, лѹшкѹй, зѹмужѹм, у нѹмѹцѹв зѹбрѹн, с трѹпѹк, с нѹтѹк, рѹдѹм, сѣнѹм, на пѹпѹрът”;

дѣлѹли, лѣн та вѹръс”ци, (они) вѹсѹплю, цѣвѣчка, нѹткѹна, на хѹтѹри, и не слѹшѹла, зѹхѹнка, зѹгрѹмѹт”ѣе (два последние – названия деревень);

сѣмичка, горшѣчик, радѹтили, намѣлим, постѹвлина, вѹвѹду, мѹтири (им. падеж мн, числа) *бросѹли* и др.

Иногда, кажется, только в соседстве с /a/, на месте /ъ/ звучит а-образный звук, например, *з”дѣлана, з”дѣлаица*.

Для заударного свободного слога характерно аканье и иканье (/ы/ после твердых согласных): *ѹзира, сѹмы дѣлѹли ѣта мѹсла, постѹни жѹрка, навѣрна, ѣдинолѹчнѹ жѹли, окѹшѣчка бѹла, ѣес” та нѣчыва бѹлѹ, домѹ тѣ сожжѹна, офѹсѹнѹва киселѹ, хорѹшѹва та мѹла бѹлѹ*;

жит’ та нѣгди, рѣжы рѹки, приѣди, дѹчка постѹршы, на хѹтѹри, ф колхѹзи, /кѹму как / по сем’ѹй была/, молодѹѹи.

В некоторых случаях этимологическое /e/ в данной позиции было представлено другими звуками, например: */у той была трѹдетѣй, у минѹ двѹя/, стѹрыйѹ остѹфшы*. Для более детального описания этого явления мы не располагаем достаточным количеством материала.

Приведенные факты интересны сами по себе, поскольку ранее не было опубликовано ни одного более или менее полного описания какого-либо окающего говора на территории Псковщины. Однако сейчас важно обратить внимание на то, что приведенный материал наглядно демонстрирует удивительную близость и подобие этого говора и рассмотренных выше полновских говоров. Можно утверждать, что он является полновским – но без полновского аканья-яканья (и это касается не только его фонетики, но и целого ряда других особенностей, рассмотрение которых увело бы нас в сторону от основной проблематики); вокализм же остальных безударных в одном и другом случае характеризуется:

– длительными предударными гласными в первом предударном слоге, или гиперфонией, которая является особенно яркой и последовательной в окающем говоре;

– редукцией этимологических /о, а/ во 2-ом предударном и в заударных связанных слогах с исходом в /ь/ и отражением этимологического /е/ как /у/ в этих же слогах;

– влиянием предударного /о/ на качество гласного во 2-ом предударном слоге, в результате чего обычное /ь/ может быть представлено кратким /о/;

– наконец, сочетанием аканья и иканья в свободном заударном слоге.

Судя по карте 18 ДАРЯ, заударное аканье в данной позиции довольно широко известно в среднерусских окающих говорах. В традиционной теории аканья это явление никак не интерпретируется. Допустим, оно во всех случаях является результатом влияния акающего произношения. Тогда следует принять, что именно эта позиция является наиболее “восприимчивой” к влиянию аканья, и его проникновение в окающие говоры начинается на данной территории именно с нее (в то время как на других территориях, как показывает неполное аканье, заударный свободный слог оказывается самым устойчивым в этом отношении). Неясно также, почему при последовательном аканье в данной позиции может сохраняться (по крайней мере, в части морфологических формантов) этимологическое /е/.

Так или иначе, окающие говоры типа рассмотренного выше можно рассматривать как своего рода “протоговоры” по отношению к полновским. С учетом этих фактов допущения о возникновении полновских говоров в результате наслоения окающих говоров на говоры с гдовским вокализмом приобретает особую убедительность. Не исключено, что формирование ареальной “прослойки” полновских говоров было результатом не просто диалектных контактов, а произошло в результате миграции окающего населения по направлению к Чудскому озеру. Предполагаемая миграция должна была происходить относительно недавно, уже после того, как здесь распространилось аканье и яканье и сформировалась гдовская система предударного вокализма. Каковы были возможные причины этой миграции в настоящее время неизвестно и выяснение их требуют специальных историко-демографических разысканий.

Проблема субстрата

Особенности безударного вокализма полновских говоров и близкого к ним окающего говора д. Обод, рассмотренные выше,

позволяют поставить проблему возможного влияния субстрата на их генезис. К числу явлений, имеющих "субстратную подоплеку", могут относиться, по нашему мнению, следующие.

Прежде всего, это гиперфония и олофония. Отдаем себе отчет в том, что эти явления изучены крайне недостаточно и методика их описания и представления в явном виде не отработана. Изучение этих явлений в принципе связано с исследованиями особенностей ритмической структуры слова в русских говорах. Так, характеризуя разновидности этой структуры в севернорусских говорах, С.С. Высотский отмечал, что в некоторых из них "предударный гласный нередко равен, а часто длиннее ударенного"; в таких говорах "темп речи медленный и очень медленный. Считается архаическим. Встречается во Владимиро-Поволжской группе среднерусских говоров" [Высотский 1973, 35]. На этой же территории известны говоры, в которых "гласный предударного слога слога имеет меньше склонности превышать по длительности гласный ударного слога" [там же]. К югу от Владимиро-Поволжской группы, уже на территории среднерусских говоров, С.С. Высотским также были отмечены говоры, в которых "предударный гласный нередко равен, а часто и длиннее ударного" [там же]. Вообще же территория распространения данного явления в русских говорах остается неясной.

Очевидно, приведенные характеристики соотношения длительности ударных и предударных гласных соответствуют тому, что в данной работе было названо гиперфонией и олофонией. Ритмическая структура слова в псковских говорах не исследовалась, а в немногих работах по вокализму псковских говоров, которые были проанализированы выше, явления гиперфонии и олофонии не отмечались.

В принципе эти явления объяснить двумя способами. Поскольку говоры, где они отмечены, всегда характеризуются как архаичные, то гипер- и олофонию можно рассматривать как архаизм, и не только восточнославянский, а позднепраславянский, отражающий тенденцию к усилению начального слога в слове, обусловившую затем перенос ударения на него в западнославянских и части южнославянских языков. Такое решение находилось бы в полном соответствии со стремлением целого ряда ученых трактовать многие явления псковских и новгородских говоров как праславянские архаизмы.

Изучая особенности реализации словесного ударения в говорах дд. Островцы, Борщевницы, Волосово, Лядинки и Узьино (по магнитофонным записям Т.Г. Строгановой), Р.Ф. Касаткина отметила,

что “в прослушанных записях были отмечены случаи колебания в месте словесного ударения: *каты тама (коты); яму гварю, яна сама селёдку делае...*” [Касаткина 1997, 84]. Кроме того, “в целом ряде случаев возникли затруднения с определением места ударения, ср. следующие примеры: *бригадёр, тянули, сушили, ни о́ного* (ни одного), *убью́, маши́н* (автомобиль), *рядя́м...* В большинстве этих случаев в 1-ом предупредном слоге выступает гласный нижнего подъема, а под ударением – один из гласных верхнего подъема” [там же, 85].

Записи Т.Г. Строгановой были сделаны сорок лет тому назад и не исключено, что ею были записаны информаторы, в речи которых ударение действительно могло быть непостоянным. В настоящее время “затруднения в определении места ударения” могут быть связаны только с гиперфонией, причем Р.Ф. Касаткина очень верно отметила позицию, в которой гиперфония особенно “бросается в уши” – это предупредный /а/ перед последующими гласными верхнего подъема. Наконец, хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что в окающем говоре д. Обод с ярко выраженной гиперфонией “литературное ухо” действительно иногда теряется в определении места ударения.

Систематизация “регулярных отличий в месте ударения в определенных лексемах от соответствующих лексем литературного языка”, представленная в работе Р.Ф. Касаткиной, показывает, что, как правило, эти отличия в рассмотренных ею говорах связаны с переносом в них ударения либо на первый слог слова, либо на слог вперед, и гораздо реже ударение оказывается оттянутым к концу слова. К первому типу переноса относятся абсолютное большинство перечисляемых ею случаев, например:

в формах бесприставочных глаголов (типа *иду́, идеш, иде...*; *вóз”му..., дóю..., крáду..., нáйду...*);

в формах ж. рода ед. числа прошедшего времени (*жы́ла, бы́ла, дáла...*);

в “разных формах приставочных глаголов” (например, *прó жы́ла, прíдут, нáжи́ла* и т.д.);

в формах существительных 2-го склонения (*снóпа, снóпу..., плóту, плóта..., зёрно* и др.);

в числительных *о́дин, о́дно* и т.д.; а также многочисленные случаи переноса ударения с лексемы на клитики типа *не́ была, нá три, зá пят”*, *пó берегу* и т.д.

К концу же слова ударение оттягивается только в отдельных словах (например, *людя́м, в людя́х, в воротáх, детя́м*).

Можно ли явно выраженную тенденцию к оттяжке ударения на первый слог слова считать архаичной чертой гдовских говоров вообще, и говоров, рассмотренных Р.Ф. Касаткиной, в частности? Думаю, нет, поскольку в противном случае пришлось бы объявить новообразованием акцентуационные системы как большинства русских говоров, так и большинства говоров остальных восточно-славянских языков.

Более вероятным и реалистичным кажется предположение о том, что возникновение гипер- и олофонии, а также развитие рассматриваемой тенденции к оттяжке ударения на начальный слог слова и зафиксированные колебания в месте ударения в речи одних и тех же информаторов связаны с субстратным влиянием финно-угорских языков, в которых ударение, как известно, приходится на начало слова. Там, где это влияние было очень сильным, словесное ударение могло вообще переноситься на начальный слог слова, как при карельском "ляпаньи". В наших говорах такая тенденция также проявляется, а реализуется она под эмфатической интонацией просьбы или приглашения, о чем упоминалось выше в описаниях вокализма отдельных говоров. Забегая вперед, можно отметить, что следы олофонии в говорах Псковщины наблюдаются и в Псковском районе, они сглаживаются постепенно в более южных говорах, и этой проблеме будет посвящена отдельная работа.

К числу явлений, которые уже вряд ли возможно объявить праславянским архаизмом, относится зависимости между предупредным аканьем и/или этапами его распространения, с одной стороны, и подъемом гласного в последующем ударном слоге с другой. В этом явлении легко просматривается субстратное влияние языков с гармонией гласных. Приведенные выше данные полновских и близкого к ним окающего говора д. Обод особенно важны, поскольку они позволяют конкретизировать это предположение. Нельзя не обратить внимания на то, что наибольшее "сопротивление" предупредному аканью(-яканью) оказывают именно гласные среднего подъема. Сам по себе этот факт наводит на мысль о том, в субстратных говорах наиболее развитой могла быть именно гармония гласных среднего подъема, подобно тому, как это наблюдается в вепских говорах.

Далее, влияние предупредного /o/ на предшествующий гласный 2-го предупредного слога (после твердых согласных) и приобретение этим гласным о-окраски можно рассматривать уже просто как реликт гармонии гласных. В то же время открытость заударного свободного (конечного открытого) слога для аканья, которое легко проникает в него даже в последовательно окающих говорах, может

быть связана с тем, что гармония гласных в соответствующих субстратном языке или языках не распространялась на заударные слоги – явление, известное в восточных прибалтийско-финских языках.

Редукция заударных связанных слогов, а также редукция /а/ в заударном конечном открытом слоге в середине синтагмы также может отражать субстратное влияние языков и диалектов с тенденцией к ослаблению заударных слогов слова. Это явление также известно в прибалтийско-финских языках.

Проблема субстрата в истории формирования псковских говоров затрагивалась неоднократно и многими исследователями; обзор литературы по этой проблеме представлен в [Сёкмонас 1998]. Практически общепринято считать, что “основную роль на раннем этапе истории Псковских говоров сыграли два фактора: периферийное положение Пскова по отношению к основной территории восточнославянских племен и непосредственная близость к территории, занятой неславянским населением” [Образование 1970, 446], и “в итоге изучения раннего периода истории Гдовской и Псковской групп в составе западных ср.-р. говоров можно еще раз подчеркнуть, что формирование языковой специфики говоров гдовской территории органически связано с неславянским населением – южной воевдью, родственной юго-восточным эстонским племенам” [там же, 450–451].

М.С. Глушкина, зная ситуацию на основании собственного опыта, отмечала, например, что “еще и теперь в Гдовском районе продолжается (или только недавно завершилась) ассимиляция в русской среде последних представителей води в этом районе” [Глушкина 1973, 50].

При обсуждении возможного субстратного влияния на особенности безударного вокализма мы сознательно избежали ссылок на подобные явления в конкретных финно-угорских языках. Ведь субстратными по отношению к русским говорам могли быть и незафиксированные языки этой языковой семьи, и исчезнувшие диалекты известных языков; кроме того, территория распространения изученных языков очевидно была иной в эпоху формирования русских говоров. Наконец, как показывают известные обобщающие работы (например [Основы 1975; Laanest 1982]), история формирования прибалтийско-финских языков изучена далеко не основательно. Для нас было важным подчеркнуть, что генезис *всего комплекса* рассмотренных особенностей безударного вокализма может рассматриваться в контексте тех особенностей русских говоров, происхождение и развитие которых так или иначе

связывается с восточнославянско – финно-угорскими контактами (и обзор которых представлен в работе [Veenker 1967]).

ПРИМЕЧАНИЯ

* Работа выполнена на материалах магнитофонных записей, сделанных в 1992 и 1993 годах.

Летние экспедиции 1992 и 1993 гг. финансировались университетом в Осло в рамках программы научного сотрудничества между филологическими факультетами Вильнюсского университета и университета в Осло. В этих экспедициях принимал участие проф. Я.И. Бьёрнфлатен, благодаря помощи и содействию которого они стали возможными.

Выражаю искреннюю благодарность и признательность руководству филологического факультета Университета в Осло за материальную поддержку.

¹ Дд. Воронич, Кириллово, Петровское село, Горелик, Смолины, Старое Усадище (Устье), Мельниды и Салтаково [Царева 1951, 58].

² В некоторых населенных пунктах магнитофонные записи были сделаны Т.Г. Строгановой в 1958–1959 гг., о чем упоминается в [1962, 101, 107]. На материалах этих записей основана экспериментальная работа Р.Ф. Касаткиной [1997] об особенностях реализации ударения в говорах некоторых деревень из изучаемого ареала. В ней не затрагивается проблема типов вокализма в соответствующих говорах; наблюдения Р.Ф. Касаткиной комментируются в заключительной части нашего доклада.

³ Если с одинаковым икающим исходом нейтрализуются несколько фонем, например, /a/ после мягких согласных и /e/ → /i/ (*нитак, висна*), то такое иканье можно будет называть *сложным*, в отличие от *простого*, вследствие /e/–/i/ → /i/ и т.д.

⁴ Теперь Середкинская и Гверздонская волости Псковского района.

⁵ В более ранней работе [1962] З.Ф. Жуковская рассматривала “никем не описанные говоры деревень Боровик, Лудва, Тербище, Ветрово и Липня Псковского района, Самолы, Островцы, Ямм, Гвоздно, Сиковицы, Горка и Спицино Гдовского района” однако она анализировала собранные ею данные не по говорам, а по позициям. В итоге, ее сведения невозможно теперь использовать, поскольку непонятно, к какому говору относится тот или иной пример.

⁶ В д. Каменная Стража проживает несколько человек. среди них нет автохтонов. Полновский характер ее вокализма определен нами на основании косвенных данных и в дальнейшем может быть оспорен.

⁷ Статистически обработанные материалы о длительностях гласных в описываемых и иных говорах Псковщины будут публиковаться отдельно.

⁸ Можно полагать, что говор Островцев будет со временем детально изучен, поскольку молодой голландский русист Z. Honselaar в 1994–1995 гг. записал в этой деревне более 20 кассет, которые хранятся в Фонотеке русских говоров Российской Академии Наук.

⁹ Пункты, обследованные по программе ДАРЯ, на основании которых те или иные изоглоссы проводились, определялись нами по кальке-бланке, приложенной к тому карт ДАРЯ. Отдам себе отчет в том, что здесь могли вкратце некоторые неточности – прежде всего, по вине художников, делавших карты.

¹⁰ Заметим, кстати, что карта 6 ДАРЯ на территории Гдовщины просто “не читабельна”, поскольку, кроме ареалов и микроареалов, указанных на ее копии (рис. 8 нашей работы) нанесена еще штриховка, обозначающая сильное иканье, и заливка и штриховка, обозначающие сохранение предупредных этимологических /e, o/.

Следует отметить также, что на карте 1 ДАРЯ очень сужена территория уканья при гдовской системе вокализма, и главное, появилась микрizona в юго-западной части Гдовщины, в которой предупредный /o/, независимо от происхождения,

реализуется как /ъ/ (типа *съда, съды, съдой* и т.д.), о существовании которой не упоминается в [Образовании 1970].

¹¹ См. [Строганова 1962, 105]; этой проблеме мы надеемся посвятить отдельную работу, материал для которой был собран и проанализирован в ходе работы над данным докладом.

¹² Чертой, которая может позволить такое разграничение, может быть, например, уканье во 2-ом предударном неприкрытом слоге (типа *уеорѡд*).

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов, Р.И. 1974: *Русская литературная и диалектная фонетика*, Москва.
- Аванесов, Р.И. 1972: Русский вокализм первого предударного слога, in *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 1970, Москва, 65-98.
- Опыт диалектологической карты русского языка в Европе*. С приложением очерка русской диалектологии. Составили члены Комиссии Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов и Д.Н. Ушаков, Москва, 1915.
- Административно-территориальное деление Псковской области (1917-1988)*. Справочник. Книга 1. Указатель. Книга 2, Ленинград, 1988.
- Бюллетень фонетического фонда русского языка*. Приложение № 1. Русские народные говоры. Часть 1. Составители Ю.С. Азарх, Р.Ф. Касаткина, Е.В. Щигель, Москва-Бохум, 1991.
- Высотский, С.С. 1973: О звуковой структуре слова в русских говорах, in *Исследования по русской диалектологии*, Москва, 17-42.
- Глускина, М.С., 1973: Мена глухих и звонких согласных в псковских говорах, in *Псковские говоры*. III. Псков, 35-52.
- Гришкова, Н.П. 1926: Очерки по русской диалектологии. К диалектологии Ленинградской губ., *Известия ИОРЯС*, т. XXX, 1925, Ленинград, 256-267.
- Евгеньева, А.П. 1949: Третья диалектологическая экспедиция филологического факультета, in *Доклады и сообщения филологического института ЛГУ*, вып. I, Ленинград, 211-215.
- Жуковская, З.В. 1962: О типе говоров к югу от Гдова, in *Псковские говоры*, I, Псков, 5-27.
- Жуковская, З.В. 1968: Об особенностях безударного вокализма в говорах к северо-востоку от Пскова, in *Псковские говоры*, II, Псков, 5-19.
- Каринский, Н.М. 1916: Исследование языка псковского Шестоднева 1374 г., *Журнал Министерства народного просвещения*, № 2, 199-251.
- Касаткина, Р.Ф. 1997: Некоторые наблюдения над ударением в говорах Гдовского района Псковской области, in *Псковские говоры. История и диалектология русского языка*. Под ред. Яна Ивара Бьёрнфлатена, Осло, 82-94.
- Кузьмина, И.Б. и Мораховская, О.Н. 1952: Диалектологическая конференция, *Вопросы языкознания*, № 5, 128-132.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии)*, Москва, 1970.

- Орлова, В.Г. 1961: Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов, in *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Новая серия. Выпуск II, Москва, 3–14.
- Основы финно-угорского языкознания*. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки, Москва, 1975.
- Русская диалектология*. Под редакцией Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. Второе издание, Москва, 1965.
- Строганова, Т.Г. 1962: О предударном вокализме говоров северо-запада Псковской области, in *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Новая серия. Том III, Москва, 101–111.
- Хабургаев, Г.А. 1980: *Становление русского языка* (пособие по исторической грамматике), Москва.
- Царева, Л.И. 1951: *Говоры юго-западной части Псковской области*. Канд. дис., Москва.
- Царева, Л.И. 1962: Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области, in *Псковские говоры*, I, Псков, 58–76.
- Čekmonas, V. 1998: On some circum-Baltic features of the Pskov-Novgorod North-West Middle Russian dialect, in *The Circum-Baltic Languages: Their Typology and Contacts* (in print).
- Laanest, Arvo. 1982: *Einführung in die ostseefinnischen Sprachen*. Autorisierte Übertragung aus dem Estnischen von Hans-Hermann Bartens. Hamburg.
- Veenker, W. 1967: *Die Frage des finnougrischen Substrats in der russischen Sprache*, Published by Indiana University, Bloomington.